

Г л а в а I I

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ХАРИБДОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ЦЕЛИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА С.-Р. ЭТИКА И ТАКТИКА ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ПОДСУДИМЫМИ 1-й И 2-й ГРУПП, МЕХАНИЗМ И ПРЕДЕЛЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ «ОТКРОВЕННЫХ» И «ПОЛУОТКРОВЕННЫХ» ПОКАЗАНИЙ

§ 1. «...КАК В СТАРОЕ ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ ЗА ВСЕ ОТВЕЧАЛИ ЕВРЕИ, ТАК В НОВОЕ СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ЗА ВСЕ ДОЛЖНА ОТВЕЧАТЬ ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ- РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ЗА ВСЕ ОШИБКИ ВЛАСТИ...»: ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ПРОВЕДЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА С.-Р. 1922 г.

Словами, вынесенными в заголовок этого параграфа, член ЦК ПСР и подсудимый 1-й группы на процессе с.-р. М. А. Лихач охарактеризовал одну из причин его проведения. Конечно же, ответ на вопрос о том, зачем большевистской власти понадобилось тратить гигантское количество сил и средств для решения такой, казалось бы, неактуальной для 1922 г. (два года спустя после окончания гражданской войны) задачи, как процесс над эсерами, не сводится только к этому и является только частью его (хотя и важной).

Охарактеризовать весь комплекс причин и задач процесса непросто. Безусловно, причины проведения процесса большевистской и чекистской верхушкой относятся к тем темам, где «герои события» часто артикулируют не то или не совсем то, что думают, где много фигур умолчания и откровенной лжи, где правда переплетается с оголтелой пропагандистской шумихой. Что-то власть произносила достаточно определено и ясно, что-то завуалированно и с намеком, а что-то очень тщательно скрывала. Последнее в особенности относилось к борьбе внутри коммунистического руководства за выбор стратегической и тактической линии поведения в отношении к социалистам. Фактически, пытаясь говорить о том, что толкало власть на проведение процесса с.-р., мы в значительной степени пытаемся реконструировать те причины и аргументы большевистской верхушки, которые в цельном виде никогда на бумаге не фиксировались. Подобное заставляет, конечно, остерегаться «чтения в сердцах» и проявлять сугубую осторожность в подобной реконструкции.

К интересным выводам приводит анализ «Тезисов по агитации в связи с процессом с.-р.»¹, которые были написаны Н. И. Бухариным, А. В. Луначарским и Н. В. Крыленко во исполнение решения комиссии Политбюро от 10 мая («присутствовали тт. Троцкий, Каменев, Бухарин, Дзержинский, Луначарский, Уншлихт, Малкин, Крыленко»)². Будучи

опубликованы, они стали настольной книгой для тысяч партработников, принявших участие в пропагандистской антиэсеровской кампании. Этот документ крайне важен для нас потому, что он, с одной стороны, давал ориентиры партийным функционерам, акцентируя наиболее важные задачи процесса, с другой стороны, поскольку тезисы были написаны видными большевиками, в них не могли не отразиться, хотя бы и в завуалированной форме, те представления о мотивах и причинах проведения процесса, его целях и задачах, которые обсуждались порой только в кулуарах партийных заседаний самого высокого уровня.

Прежде всего необходимо отметить, что тезисы направлены не только против эсеров, но и против другой социалистической партии — меньшевиков, о которых упоминалось везде, где только можно, и которые шли в одной связке с эсерами, причем неоднократно употреблялись обороты, подчеркивающие их подобие и родственность, а то и их одинаковость. Например, в 1 пункте подчеркивалась их единая («мелкобуржуазная») природа, причем меньшевики были поставлены на первое место, несмотря на то, что власти готовились к процессу над эсерами, а не над меньшевиками. Но в том-то и дело, что, с одной стороны, эсеровский процесс одновременно был фактически и ударом по меньшевикам, что тезисы ярко и отразили. С другой стороны — как тут не вспомнить процитированные выше рассуждения меньшевика-эмигранта Г. Аронсона, что от деятельности большевиков получалось впечатление, что они ведут борьбу не столько с самодержавием, сколько с меньшевиками и либералами, а видный большевик С. Спандарьян отразил психологию большевиков дореволюционного периода, признавшись в мемуарах, что больше ненавидит меньшевиков, чем самодержавие³. При чтении тезисов создается впечатление, что рукой их авторов водила не менее жгучая ненависть к меньшевикам, с которыми они когда-то состояли в одной партии.

Во-вторых, то, что первые пункты тезисов начинали издавека — с мелкобуржуазной природы эсеров, эпигонов героических народовольцев, и их вредности, — вовсе не случайно. Это ярко свидетельствовало о том, что большевики пытаются наконец-то поставить точку в более чем полувековом споре русских марксистов и народников. Все аргументы, которые они использовали, пытаясь доказать мелкобуржуазность и «несоциалистичность» эсеров, были 20—30-летней давности.

В-третьих, тезисы настойчиво проводили мысль, что истинными наследниками народовольчества и социал-демократического движения в России являются исключительно большевики-коммунисты, в то время как эсеры и меньшевики суть вредители делу революции и истинной пролетарской партии, воплощением которой большевики недвусмысленно объявляли себя. И наконец, единственными защитниками всех трудящихся отныне и веки веков авторы тезисов также объявляли коммунистов.

Нельзя не отметить, что Бухарин, Крыленко и Луначарский отрицали даже то, что было просто глупо отрицать, т. к. это было общепризнанным фактом — что эсеровская партия единственная из российских социалистических партий имела сеть своих организаций в деревне в дореволюционное время, а после Февраля 1917 г. пользовалась весьма серьезным влиянием в крестьянстве. Заявляя о малом количестве связей эсеров с крестьянством, о том, что «работа эсеров среди крестьян была всегда расплывчатой и мало весомой», авторы тезисов игнорировали факт существования тысяч эсеровских «крестьянских братств» в годы революции 1905—1907 гг., ту роль, которую сыграли эсеры в создании Всероссийского крестьянского союза, тот авторитет, который они имели в Советах

крестьянских депутатов в 1917 г., и то, что на выборах в Учредительное собрание они победили с большим отрывом большевиков именно крестьянскими голосами. Характеризуя тезисы в целом, можно сказать, что в них, как в зеркале, отразилась часть задач, которые хотели решить большевики, организуя процесс с.-р. Кроме того, их чтение заставляет вновь вспомнить уже цитировавшиеся слова Э. В. Вандервельде о том, что коммунисты попытались дать на процессе свою весьма неискусную версию русского освободительного движения, революции и гражданской войны.

Для того, чтобы лучше понять, что же толкнуло власть на организацию в 1922 г. процесса с.-р., необходимо определить место этого процесса в политике властей по отношению к социалистическим партиям. Мы не ставим перед собой цели проведения полноценного исследования данной проблемы, ставшей уже предметом отдельного исследования⁴, а затрагиваем ее постольку, поскольку она необходима нам в данном контексте.

Конечно же, тактическая линия большевиков в отношении социалистов колебалась, и единодушия по этому вопросу у большевистской верхушки не было. Но, как представляется, одна часть большевистского руководства для спасения ситуации и себя была готова идти на реальный компромисс, ярким свидетельством чего явилась позиция части большевиков, в конце 1917 г. вышедших из Совнаркома и ЦК в знак протеста против скатывания к террористической диктатуре, к чему толкали их сторонники жесткой линии, лидерами которых в это время были В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Трудно говорить, однако, о степени искренности большевистских «мягких» и того, как далеко они были готовы пойти по пути компромиссов с социалистами, скажем, при ведении переговоров об «однородном социалистическом правительстве».

В конечном счете, победа раз за разом оставалась за сторонниками «жесткой линии», а переговоры об «однородном социалистическом правительстве» в конце 1917 г. и временная легализация ПСР в 1919 г. были лишь тактическими отступлениями, в то время как магистральная линия сторонниками «жесткой линии» виделась весьма четко — уничтожение всех партий и любого политического инакомыслия в стране. Самым значительным компромиссом, на который они пошли ради сохранения режима, был правительственный блок с левыми эсерами в 1917—1918 гг. Но он не затронул принципиально важного для «жестких» большевиков — вопроса об их определяющей роли в этой своеобразной двухпартийной диктатуре и курса на выстраивание желаемой для них модели государственно-политического устройства страны. Та часть левых эсеров, которые искренне верили в то, что декламировалось большевиками (В. И. Ленин любил их называть «левоэсеровскими робятами»), оказалась заложниками собственной политической не дальновидности и наивности.

Конечно же, политика большевистской власти по отношению к социалистам не может быть названа только репрессивной или прямолинейно-репрессивной. В моменты смертельной опасности, как это было в конце 1917 г., когда большевики оказались в полном политическом вакууме, или во время наступления А. И. Деникина, большевистская верхушка была готова на временные отступления, заигрывания с социалистами, даже их легализацию. Свидетельство Б. Николаевского о попытках Ленина и Ф. Э. Дзержинского договориться с сидящими в тюрьме членами эсеровского ЦК и о выпуске А. Р. Гоцем легального эсеровского органа в 1921 г. (о чем речь пойдет ниже) также свидетельствует о том, что часть большевистской элиты была готова на компромисс и даже союз с социалистами в ситуации системного кризиса, ярчайшим проявлением

которого были тамбовское крестьянское движение, Кронштадский мятеж, необходимость отказа от политики «военного коммунизма» и переход к нэпу. Ненависть к режиму миллионов крестьян, прорывающееся недовольство в Красной армии, смущение в самой коммунистической партии вынужденным отступлением в нэп и таящаяся в нэпе потенциальная угроза реставрации — все это было почвой для поиска компромиссов с социалистами для одной части правящей верхушки и одновременно сильнейшим стимулом для уничтожения социалистических конкурентов и сплочения колеблющихся сопартийцев вокруг себя и своего жесткого курса — для другой ее части.

Что касается отношения к эсерам чекистов, то в начале 1921 г. в циркулярном письме ВЧК, подписанном нач. СО ВЧК Т. П. Самсоновым и Управделами ВЧК Г. Г. Ягодой, оно было сформулировано предельно конкретно: «Среди всех контрреволюционных партий, вступивших в борьбу с диктатурой рабочего класса, „партия социалистов-революционеров“ является самой опасной как потому, что она имеет среди них наиболее надежд вернуться к власти, так и в особенности потому, что она стремится опереться на самый многочисленный класс русского населения, крестьянство (выделено нами. — К. М.), и использовать в интересах контрреволюции его мелкобуржуазные предрассудки и инстинктивную неприязнь к коммунизму».

Представляется, что борьба с социалистическими партиями в 1921—1922 гг. для большевиков становилась не просто актуальным вопросом, а вопросом выживания. Тамбовское и особенно Кронштадтское восстания со всей очевидностью поставили перед властью проблему потери популярности и сужения ее социальной базы даже в рабочих кругах обеих столиц и в детище этой власти — Красной армии. Для власти настоящим шоком и главной опасностью было не столько восстание одного гарнизона, сколько то, что в многомиллионной Красной армии, победоносно завершившей гражданскую войну, нашлось не так уж много частей, которые можно было использовать для подавления Кронштадтского восстания без опасения, что они перейдут на сторону восставших. Факт отправки трех сотен делегатов X съезда РКП(б) для «укрепления» «карательных» войск в высшей степени примечателен. Поддержка восставших забастовавшими рабочими Петрограда и Москвы наносила сокрушительный удар по большевистской демагогии о «рабочей власти» и «диктатуре пролетариата». Многие сотни крестьянских восстаний в 1918—1920 гг. на территории Советской России не рождали у власти иллюзий об отношении к ней большинства крестьянства, несмотря на то, что на выборах в Советы коммунисты получали «единодушную» поддержку. Тамбовские крестьяне всерьез напугали власти, показав, что они способны отнюдь не только к спорадическим кратковременным выступлениям, легко локализуемым и подавляемым войсками, но и к созданию повстанческой армии, использующей тактику партизанской войны, уничтожение которой потребовало использования лучших частей Красной армии, вынужденных применять авиацию и боевые газы, инстинкт заложничества и концлагеря.

После Кронштадтского и Тамбовского восстаний на фоне брожения в среде московского и питерского пролетариата опасность того, что симпатии масс и инициатива будут перехвачены социалистами, была более чем реальна. Сваливая с больной головы на здоровую, большевики убили сразу нескольких зайцев. В своем последнем слове член ЦК ПСР М. А. Лихач заявлял организаторам суда: «Процесс этот есть акт партийной борьбы, и мы были совершенно правы, <...> когда мы с самого начала

процесса громко и ясно это заявили. Но если ясна система построения процесса и ни в ком каких-либо двух мнений возбуждать не может, то для меня, откровенно говоря, оставалась очень долгое время не ясной цель, которую преследовали авторы этого процесса. Зачем после ликвидации гражданской войны вы, победители, садите (так в тексте. — К. М.) на скамью подсудимых побежденных, садите не в острый период гражданской войны, когда бы это, может быть, было понятно? просто и естественно, а садите через несколько лет после ликвидации этой гражданской войны и через много лет после того, как партия вышла из гражданской войны. Самый естественный ответ на этот вопрос, конечно, один: из мести. <...> Партия социал-революционеров разгромлена, разбита, она представляет из себя решительно ничто, а гражданин Бухарин так и сказал: „Граждане, за вами решительно ничего нет, кроме ваших жен и детей“. Но, как хотите, тут есть какой-то провал в аргументации: требовать всеобщего равного и тайного расстрела для лиц, у которых решительно ничего за собой нет, кроме жен и детей, — тут есть какой-то порочный круг, тут есть что-то недоговоренное, и, конечно, цель нашего процесса была гораздо дальше простого мести и простого расчета со своими политическими противниками, может быть, в настоящий момент и бессильными. Не нужно скрывать, граждане, того, что ваше положение в настоящий момент, положение власти чрезвычайно тяжелое, но тяжелое не потому, чтобы ей угрожал кто-либо извне, какая-либо иностранная интервенция или какие-либо внутренние враги. <...> Но ведь для всякой власти, в особенности для власти, взявшейся осуществлять что-то небывалое в истории, для чего исторический момент еще не настал, бывает не столько опасна внешняя сила, которая может раздавить эту власть, сколько внутреннее банкротство этой самой власти. И вот, граждане, я утверждаю, что вы находитесь накануне внутреннего банкротства. <...> вы ставите настоящий процесс партии социал-революционеров для того, чтобы иметь возможность ваши собственные ошибки, ваши собственные отступления перевалить на плечи других <...>»⁵.

Прием, о котором говорил Лихач, — демагогически обвинять других в собственных грехах и преступлениях — был с блеском отработан большевиками в пропагандистской кампании, сопровождавшей процесс, и многократно использован позже — менялись только объекты обвинения (любопытно, что когда на рубеже 40-х и 50-х годов «кончились» эсеры, кулаки, вредители, троцкисты и пр., вновь вернулись к «безродным космополитам»).

Достаточно убедительно о возможных целях процесса в своей защитительной речи сказал М. Я. Гендельман: «Российская Коммунистическая партия переживает, несомненно, тяжелый момент. Несомненно, переживает кризис <...> Так вот — этот процесс нужен был для того, чтобы противопоставить какой-то социалистической партии, как вы считаете „квazi-социалистической партии“, „ложной социалистической партии“, противопоставить, обличить ее и в этом свете вновь обновить свою коммунистическую репутацию. Вот когда у трудящихся масс возникло сомнение для чего же вы преследовали все партии, для чего проводили ту политику, которую считали гибельной, для чего вы теперь обращаетесь к тем мерам, которые вам давно указаны, — в это время надо было, конечно, отвлечь внимание и сказать: единственная революционная партия, единственная социалистическая партия в России — это мы, а все те, которые нас обличили... (не слышно) мы вынуждены теперь признать их контрреволюционерами. Вот это первое задание процесса. О нем и говорит граж-

данин Каменев, когда он говорит нам, что надо было перед подрастающим поколением на живом примере показать, что такое партия социалистов-революционеров. Но и другое задание было и вот какое задание. Кто является самым опасным врагом для той власти, которая сознает свои ошибки и начинает исправлять, хотя, конечно, совсем не исправит? Конечно, самым опасным для нее — коммунистической партии — для Советской власти в данный момент является не буржуазия, не помещики, не реакция, ибо к ним доверия народных масс не будет, а опасной для них является та партия, которая имела доверие народных масс, которая потеряла его только потому, что не хотела давать ложных демагогических лозунгов, и которая теперь вновь начинает в сознании масс вырисовываться как действительно истинная представительница интересов трудящихся масс, как действительно истинная носительница идей революционности и социализма. И вот, исправляясь, каюсь в своих ошибках, обнажая свои слабые места, надо, конечно, ударить по той партии, которая является как бы естественным кристаллом, вокруг которого должно собраться пробуждающееся сознание трудящихся масс»⁶.

А вот член ЦК ПСР Е. М. Тимофеев обращал внимание на совсем иной аспект — на то, что, качнувшись в сторону нэпа, коммунисты сдают ряд завоеваний Февральской революции поднимающей голову буржуазии, что рождает недовольство и опасения в рабочих массах, отвоевать которые эсеры собираются (принципиально не отказываясь от лозунга вооруженной борьбы). Фактически ПСР, российская часть которой придерживалась левоцентристских позиций, оппонировала РКП(б) слева, беря на себя роль защитников всех слоев «трудового народа» как от бесчинств и экспериментов партийной коммунистической диктатуры, так и от реакции, неизбежно, как им казалось, идущей на смену коммунистическому режиму: «Не так давно официально в Московском Совете было заявлено гражданином Радеком, что партию социалистов-революционеров будут судить не за прошлые деяния, а за настоящую политику. Да, вы имеете основания судить, ибо действительно наши прежние задачи борьбы с вами отодвигаются и являются новые. Мы должны направлять рабочие массы города и деревни против буржуазии, иго которой якобы октябрьским переворотом уничтожено (смех). Французская пословица говорит: хорошо смеется тот, кто смеется последний. Я думаю, многие пролетарии в России сейчас уже не смеются и недаром все рабочие газеты, все рабочие организации боятся этого самого нэпа, и недаром выдвигается вопрос о том, что надо коммунистическую партию перестроить так, чтобы она не стала партией сторонников новой экономической политики. <...>

С вами мы непримиримы. В этом наша гордость, и этой позиции мы не уступим и не отступимся от нашего права вооруженной борьбы. От этого мы не откажемся никогда и не можем отказаться. Но вместе с тем в настоящее время мы этой борьбы не ведем и трудовых масс России не провоцируем. Сейчас трудовым массам России нужно пройти брешь политической борьбы, нужно давить на вас политически, чтобы заставить вас уступить. В этом отношении некоторые шаги уже сделаны и до известной степени две группы уже раскрепощены; нужно раскрепостить пролетариат городов, но я боюсь, что этот момент наступит тогда, когда не будет почти пролетариата. Во всяком случае все, что в этом отношении мы можем сделать, мы сделали»⁷.

Фактически перед коммунистами вырисовывалась перспектива повторения эсерами того, что большевики сделали в 1917 г. — воспользовавшись многочисленными ошибками (и преступлениями) коммунистов,

увести от них народные массы, а затем свергнуть. Но одного разочарования в коммунистах и усталости от их политики в самых разных классах и слоях общества для реализации подобного плана было недостаточно. Нужны были сильные партии, способные вывести сопротивление режиму из подполья на улицы, способные повести за собой массы. Рост эсеровской партии к весне 1922 г., несмотря на волны непрекращавшихся в течение нескольких лет арестов, пугал власти, являясь весьма тревожным для нее признаком. Они пытались переломить ситуацию беспрецедентными полицейскими мерами (включавшими в себя не только слежку, волны арестов и т. п., но и усиление агентурно-осведомительской деятельности в эсеровской среде). О росте партии и о реакции на это властей сообщалось в перехваченном чекистами письме члена ЦБ ПСР «Люсьмарина» (Г. К. Покровского) в Заграничную делегацию: «Сейчас наша работа протекает в условиях самой ужасной обстановки, которую вы не можете себе представить, живя вне пределов Совдепии. В связи с процессом наших товарищей и ростом нашей партии, ростом, которого не могут не замечать чекисты, последние бросили всех своих ишек, всех больших и малых шпикиров, провокаторов на изловление ЦБ, наперекор всем стихиям существующего где-то неподалеку. За всеми товарищами — бывшими, настоящими, не ошибусь, если скажу, пожалуй, и будущими, идет отчаянная слежка, отвратительная по своей неуклюжести и нахальству. Никто из нас и легальных, и полулегальных, и нелегальных, вставая утром, идя по улице, находясь на службе или ночью ложась спать, не уверен, что он не очутится в Чеке, хотя с последней снята красная помпезная вывеска...»⁸.

Но, как представляется, к концу 1921 г. у большевистского руководства вызрело ощущение, что только полицейскими мероприятиями, пусть и беспрецедентными по своему объему, характеру и интенсивности (ставшими, впрочем, уже важнейшей частью системы государственного терроризирования собственного народа, системы, направленной на подавление любой оппозиции и инакомыслия и запугивания всех и каждого) проблемы не решить. Потребовалось дополнительное сильное средство для уничтожения эсеровской партии (и угрозы социалистической оппозиции в целом) — дискредитация и ПСР, и самой идеи «социалистической оппозиционной альтернативы» в глазах самых разных социальных групп и классов России.

Была избрана форма судебного процесса в комплексе с мощнейшей разноцелевой и разноуровневой агитационно-пропагандистской антиэсеровской кампанией, которые позволили бы коммунистам выиграть битву за умы людей, оставить их под своим влиянием, не дать возможности слиться воедино недовольным народным массам и оппозиционной социалистической партии, к которой они потянутся, ненавидя коммунистов.

Представляется, что планировавшаяся организация серии процессов над социалистическими партиями должна была решить еще и другие задачи. В условиях ожиданий различными социальными и политическими группами того, что вслед за экономической нэповской «либерализацией» режима последует и его политическая демократизация, большевистское руководство демонстрировало всем (в том числе и слегка растерявшимся партийцам), что политического «отступления» не будет. Более того, давался четкий сигнал, что, во-первых, никакие альтернативные проекты, даже социалистические (эсеровские, меньшевистские, анархистские), рассматриваться не будут, а, во-вторых, никакого сотрудничества с социалистами не предвидится. Представляется, что сторонники «жесткой

линии» в большевистском руководстве пытались решить еще две задачи: во-первых, сломить в большевистской среде то мягкое отношение к социалистам, корни которого уходили во времена совместной революционной борьбы и которое очень ярко проявилось в многочисленных ходайствах видных большевиков за арестованных социалистов и даже в противобоевности ВЧК—ГПУ; во-вторых, отрезать пути отступления для мягких, колеблющихся элементов большевистской элиты, способных, как и в ноябре 1917 г., начать хвататься в кризисный момент за идею «однородного социалистического правительства». Именно поэтому они настаивали на приведении в исполнение расстрельных приговоров четырем эсерам.

В атмосфере разговоров о том, что нэп неизбежно приведет большевиков не только к экономическим, но и к политическим уступкам, а именно — к некоторой демократизации режима, демонстративный расстрел социалистов означал бы и крах всех такого рода ожиданий. В условиях вероятности возможных ответных террористических актов эсеров и эскалации взаимного озлобления «колеблющиеся» из большевистской элиты лишались всякого выбора. Подобное они уже испытали в конце 1917 — начале 1918 г., когда В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, стремясь пресечь попытки договориться с меньшевиками и эсерами, вполне сознательно обостряли ситуацию и толкали к прямому насилию.

Данное предположение подтверждается и наблюдениями российских меньшевиков, которые благодаря еще сохранившимся связям в среде своих бывших однопартийцев были весьма неплохо осведомлены о том, что происходило в большевистской элите. В «Социалистическом вестнике» за 2 августа 1922 г. была опубликована заметка, подписанная псевдонимом «Каторжанин». Датирована она была 25 июня и содержала крайне интересные для нас выводы: «Два течения сейчас борются среди большевиков. Одно — примирительное, которое вообще не очаровано процессом, и другое — более сильное и влиятельное в политических (не в деловых) сферах, террористическое. Эти вполне убеждены, что пути физического истребления и устрашения врагов диктатуры единственно спасительны. Прочность сегодняшнего дня покоится на могилах всех истребленных носителей старого строя. Полумер быть не может. За Романовыми должны следовать все их слуги; ударяй именно в то место, где могут быть сосредоточены те или иные симпатии народных масс (казнь священников): этими путями надо выявить настроение и, выявив, подавить его. Теперь, когда игра с единым фронтом кончилась, надо внести в европейское рабочее движение огонь войны, — не оружием критики, а критикой оружием. **Выроем такую пропасть, наполним ее такой кровью, чтобы мечтания о единстве стали фразой. Всех колеблющихся поставим перед фактом...** (выделено нами. — *К. М.*). Вот приблизительно, что муссируется в некоторых группах. Если это течение победит, — а это весьма и весьма возможно, — то судьба эсеров решена»⁹.

Прибавим сразу, что решена оказалась судьба не только эсеров, но и меньшевиков, часть из которых еще тешила себя иллюзиями о возможности работы в условиях советской легальности, а спустя годы окажется решена и судьба колеблющихся (а заодно и десятков тысяч не колеблющихся) коммунистов, а также судьбы миллионов людей и целой страны.

Сторонники «жесткой линии» (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский) чуть было не перехитрили «колеблющихся»: сначала в конце 1921 г. они уговорили их поддержать идею с процессами против социалистов, даже и не заикаясь о реальности расстрелов, а потом,

к удивлению большинства видных большевиков, попытались продавить свой вариант приговора. И все же в результате упорной борьбы был принят компромисс.

Особо подчеркнем, что эта логика сторонников жесткой линии, или, по более точному определению меньшевика — «Каторжанина», — террористического течения в большевистской элите, известна нам и по статьям и речам Ленина и некоторых других большевистских лидеров, но, как правило, в недоговоренном и закамуфлированном виде. К сожалению, нам неизвестно содержание частных, более откровенных разговоров большевистской элиты, а потому дошедшая до нас подобного рода информация, пусть и в пересказе «Каторжанина», представляет огромный интерес. Сама эта «террористическая» логика, которую отстаивал ряд большевистских лидеров и в 1917—1921 гг., и в 1922 г., дает богатую пищу для размышления тем, кто до сих пор убежден, что тотальный сталинский террор не имел корней в светлое ленинское время, тем, кому было бы полезно вновь, но уже по-другому посмотреть на старый популярный лозунг — «Сталин — это Ленин сегодня». При всех многочисленных оговорках, подчеркивающих отличие Ленина от Сталина и вариативность развития ситуации при победе в большевистской партии других течений и лидеров, все же нельзя отрицать, что террористическая логика, отцами которой были Ленин (при необходимости он мог проявлять и гибкость, занимая более мягкие позиции) и Троцкий, была и логикой Сталина, который при ее помощи и нарастании числа могил укреплял режим, превращая его в свою личную диктатуру.

Совершенно очевидна и связь процесса над с.-р. с определением большевистской элитой своей политики в отношении социалистических Интернационалов и «единого фронта». Эта связь прослеживается и в письмах ряда большевистских лидеров, высказывавших свои замечания по этому поводу уже в ходе подготовки процесса и во время его проведения, и особенно вокруг борьбы за приговор¹⁰.

Безусловно, для всех политических сил, втянутых в процесс (включая и российских и зарубежных социалистов), не было секретом, что большевики используют процесс над социалистами-революционерами в своей многоходовой игре против европейских социалистов, игре, имевшей самые разные аспекты, в том числе идеологические и пропагандистские, работавшие на решение магистральной для большевиков задачи распространения влияния коммунистических идей и Коминтерна на те миллионы рабочих, которые находились под влиянием европейских социалистических партий. Логическая цепочка, предлагавшаяся как для внутреннего, так и для внешнего пользования, была незатейлива: с одной стороны, эсеры — часть европейского социалистического движения, представители которого берут их под свою защиту, с другой стороны, эсеры — предатели интересов революции и наймиты правительств как стран Антанты, так и бывших белогвардейских режимов, а следовательно — «Скажи мне кто, твой друг, и я скажу, кто ты!».

Отчетливо просматривалось и желание большевистской элиты, устроившей процесс, использовать его как дополнительный и достаточно серьезный рычаг давления на европейских социалистов, в том числе используя для этого и жизни подсудимых (многим из них грозил смертный приговор) в качестве предмета торга.

Достаточно показателен следующий пример. Когда иностранные защитники уже через несколько дней начала процесса поняли, что ими пользуются как ширмой для придания судилищу большей легитимности,

они попытались покинуть его. Большевики этому пытались воспрепятствовать, не давая выездных виз. Начался торг. Представители Коминтерна предлагали им возобновить защиту, на что защитники требовали обещания неприменения к подсудимым смертной казни. И вот тут-то немецкий коммунист Генрих Брандлер предложил защитникам-социалистам убедить подсудимых сделать заявление о прекращении борьбы с Советской властью. Защитники, естественно, от подобного предложения отказались и объявили голодовку. После 24-х часов голодовки они получили визы и по прибытии на Запад немецкий социалист заявил: «Человеческими жизнями там торгуют, как товаром».

О чем свидетельствует этот пример? О том, что, втяни большевики и Коминтерн представителей социалистических Интернационалов в этот торг, им удалось бы одним выстрелом убить двух зайцев: закрепить свою моральную и политическую победу не только над эсерами, но — самое главное — и над социалистическими Интернационалами. Начни представители этих Интернационалов уговаривать подсудимых эсеров прекратить борьбу против большевистского режима, это тут же было бы использовано коммунистической пропагандистской машиной (как внутри страны, так и особенно за рубежом), чтобы заявить о фактической капитуляции социалистических Интернационалов перед коммунистами.

Самое интересное, что предложение, высказанное Г. Брандлером, звучало и ранее, т. к. иностранные социалисты накануне своей поездки в Москву, со ссылкой на «высшие сферы» (надо полагать, Венского Интернационала), действительно ставили перед эсеровским эмигрантским руководством вопрос «об урегулировании вопроса» в случае принципиального отказа ПСР от вооруженной борьбы с большевистским режимом. Это видно из присланной в июне 1922 г. берлинской резидентурой в ИНО ГПУ копии письма к В. М. Зензинову «от неустановленного эсера» Бори, сообщавшего о состоявшейся в Берлине встрече эсеров с иностранными защитниками (на встрече присутствовали также Ю. Мартов и Ф. Дан): «Кстати, Розенфельд сообщил следующее: вчера 18/V он виделся с одним очень близким к сферам человеком, который сообщил ему — если с.-р. откажутся от вооруженной борьбы, я думаю, дело можно ликвидировать. На всякий случай информировался — не пойдут ли с.-р. на эту мировую, буде такое предложение большевики действительно сделают. В. В. разъяснил им позицию партии»¹¹.

Отказ эсеров от подобной беспринципной торговли помог иностранным защитникам не попасть в приготовленную ловушку. Эту торговлю, судя по всему, вели сторонники «мягкой» линии, которым не нужен был скандал со смертными приговорами и удар по имиджу, но мышеловку захлопнули и подняли бы пропагандистскую шумиху сторонники «жесткой» линии, которых в ситуации предрешенного ими «добивания» ПСР вопрос о вооруженном восстании не очень-то и интересовал.

Огромный интерес представляет версия о причинах процесса, высказанная меньшевиком Б. Николаевским на страницах «Социалистического вестника» в 1931 г., в некрологе, посвященном члену ЦК ПСР Е. М. Ратнер: «В течение долгого времени советская власть не знала, что ей делать с попавшими в ее руки политическими противниками. Политически наиболее дальновидные руководители коммунистической партии во главе с Лениным хотели сговора с арестованными. Дзержинский несколько раз приезжал в тюрьму для „бесед“, в результате которых Лениным было внесено в Центральный Комитет предложение об освобождении А. Р. Гоца и предоставлении ему возможности издавать легальный

орган. Предложение Ленина было отклонено: это было не единственное поражение, которое Ленину пришлось испытать в рядах своего Центрального Комитета при попытках ослабить вожжи всеобъемлющей диктатуры, — но мы еще не скоро доживем до того времени, когда история этих попыток будет рассказана большевистскими историками... Вместо освобождения началось подготовка большого процесса против партии. Действительные причины последнего теперь ясны. Материалы, которыми оперировали обвинители во время этого процесса, были превосходно известны и Дзержинскому в то время, когда он вел свои беседы с Гоцем и Тимофеевым, и Ленину, когда он вносил свое предложение в Центральный комитет. Они тогда не мешали переговорам. Процесс стал неизбежен, когда было решено сделать невозможными самые разговоры о соглашении с социалистами-революционерами и с социалистами вообще, — как в России, так и в интернациональном масштабе. Решение поставить его совпало с решением окончательно взять курс на беспощадную войну с Социалистическим Интернационалом... Свое основное назначение он выполнил: еще накануне его в Берлине заседала конференция „трех Интернационалов“, на которой обсуждался вопрос о согласовании их действий, — после него вся позиция Коммунистического Интернационала стала таковой, что нет возможности и думать о возобновлении разговоров на эту тему»¹².

Знали ли в 1920—21 гг. Дзержинский и Ленин со слов Г. И. Семенова о подготовке террористических актов эсерами против Ленина и Троцкого и убийстве ими В. Володарского? И если да, то почему это знание не мешало им ведению переговоров-«бесед» с эсеровскими чекистами? Насколько вообще достоверны свидетельства Б. Николаевского по этому поводу? Начнем с последнего вопроса. В отличие от более поздних времен (30—50-х гг.) в 1920—1921 гг. меньшевики были, безусловно, хорошо осведомлены о том, что происходило на большевистском Олимпе (до высылки за границу, арестов и административных ссылок наиболее видных и деятельных меньшевиков). В это время еще окончательно не были поставлены жирные точки в отношениях между большевиками и меньшевиками, а главное — они еще пользовались многочисленными своими знакомствами в большевистской среде, когда многие из прежних товарищей по совместной партийной работе не чурались доверительных разговоров. Об этом убедительно свидетельствует упоминавшееся уже письмо Президиума ВЧК в Политбюро ЦК РКП(б) в начале 1922 г., где наряду с жалобами на видных большевиков и Президиум ВЦИК (сплошь и рядом ходатайствовавших за эсеров, меньшевиков и анархистов, а то и отпущавших их на свободу), содержалась и жалоба на «чрезмерное осведомление» социалистов и анархистов «о всех постановлениях ВЧК и ЦК РКП, <...> о том, как и кто из ответственных членов РКП смотрит на тот или иной вопрос <...>». С точки зрения достоверности, цитированные выше свидетельства Б. Николаевского заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания.

Знали ли Ленин и Дзержинский о признаниях бывших эсеров, ставших «гвоздем» процесса? В какой момент Семенов и Л. В. Коноплева признались чекистам в своей террористической деятельности, скрывали и они сами, и чекисты, и представители обвинения на процессе. Не вдаваясь сейчас в детали, которых мы коснемся позже, скажем, что это вполне могло произойти не только в момент их вступления в РКП(б) в январе 1921 г., но и раньше — на рубеже 1919—1920 гг., когда начинается их сотрудничество с военной контрразведкой.

То, что и Ленин и Дзержинский могли распорядиться своим знанием, исходя из «политической целесообразности» и конъюнктуры, в тот момент, когда им это было нужно, и так, как им это было нужно, — удивить неспособно. Во всем этом свидетельстве Б. Николаевского значительно больше удивляет то, что вопреки устоявшимся представлениям о Ленине и Дзержинском как сторонниках бескомпромиссной линии на жесткое подавление социалистов и «бережного держания эсеров и меньшевиков в тюрьмах», они в 1920—1921 гг. искали компромисса. Безусловно, все эти сюжеты требуют самого тщательного исследования историками, специализирующимися на расстановке сил в большевистском партийном руководстве.

Свидетельством в пользу версии о «беседах» Дзержинского и о том, в каком направлении они велись, может служить реакция членов ЦК ПСР Ф. Ф. Федоровича и Л. Я. Герштейна, которые безусловно были осведомлены об этих «беседах», если таковые действительно имели место. Отправленные в 1921 г. из Москвы в Сибирь «для приобщения» к сибирским «делам», они были весной 1922 г. вновь затребованы в Москву. Представитель ГПУ по Сибири И. П. Павлуновский, сообщая 14 марта 1922 г. начальнику СО ГПУ Т. П. Самсонову об их отправке в Москву, злобно восклицал: «Сообщаю Вам, что Федорович и Гернштейн (так в тексте. — К. М.), когда им было объявлено, что они едут в Москву, передавали членам Крестьянского союза следующее: что их-де везут в Москву для переговоров о власти. Хотел бы я видеть их рожи, когда вместо переговоров о власти они в Москве получили Трибунал»¹³.

Большую пищу для размышлений на тему о том, какими виделись причины проведения процесса с.-р. из кабинетов иностранных посольств в Москве, дают аналитические материалы польского посольства в Москве. Они «утекли» из польского МИДа в берлинскую резидентуру ИНО ГПУ, которая докладывала 8 июля 1922 г. в Москву: «С.-р. процесс является центром внимания Совнаркома. Ему посвящается столько же внимания, сколько и Гааге. Совнарком, объявляя войну с.-р., желал, во-первых: убедить Великую Антанту и Соединенные Штаты, что Москва достаточна сильна, чтобы позволить себе ведение явного процесса против партии, которая была самой сильной в разогнанном Учредительном собрании и пользовалась таким уважением среди крестьянства. Совнарком, объявляя процесс, желал убедить Великие Государства, что Советская Россия так сильна, что она может не считаться с с.-р., как теми, которые конспирируют внутри России, так и теми, которые против нее за границей.

2) Совнарком желал также убедить Великие Государства, что 3-й Интернационал не считается со своим соперником и не боится в процессе с.-р. объявить войну правым Интернационалам. Советское правительство, кроме того, желало показать, что главную роль не играет Зиновьев — глава 3-го Интернационала, но что Совнарком ведет свою независимую политику.

Действительно Центральный Комитет 3-го Интернационала даже вместе с Радеком был против процесса в такой форме, в какой он происходит»¹⁴.

И, наконец, следует иметь в виду, что для чекистов постановка процесса с.-р. стала способом демонстрации своей нужности верхушке политического руководства страны и в новых, мирных условиях, когда в партии давно уже назрело раздражение от всевластия «чересчурки» и крепло желание накинуть на нее узду. Как далеко простирались планы

и амбиции чекистов на свою роль и место и в мирное время, видно из упоминавшегося нами выше плана работы ВЧК на время с 1-го мая 1921 г. по январь — февраль 1922 года составленного Самсоновым в апреле 1921 г. Напомним, что адресован документ был Дзержинскому, Менжинскому, а в копии — Ленину и В. М. Молотову; причем, кроме двух достаточно стандартных грифов «Совершенно секретно» и «Перепечатке не подлежит», был еще один: «По использованию сжечь». Констатация, исходя из «опыта прошлых лет борьбы с эсерами и другими партиями», что их активность, как правило, бывает приурочена к осенним месяцам и к годовщине Октября, Самсонов предлагал «провести массовые операции по правым и левым эсерам в государственном масштабе» в августе, чтобы пресечь «возможность активного выступления эсеров осенью», а также в первой половине октября.

3) В прошлом установлено, что антисоветские партии, как буржуазные, так и социалистические, свои выступления подготавливали и приносивали к Октябрьским торжествам, ввиду чего нам нужно будет в первой половине октября произвести массовые операции по всем политическим партиям, разумеется, в зависимости от их активистского уклона против Соввласти, — в этом отношении специальная агентура СО ВЧК и ГУБЧК должна будет усиленно поработать со второй половины августа по первую половину октября, до операций включительно. Параллельно с этими действиями, СО ВЧК должен „развить до максимума свой агентурно-осведомительный аппарат по политпартиям“, а также „не позднее второй половины августа выкачать из деревни всех эсеров, засевших там в кооперативах, земотделах, нарообразах, продорганах и пр.“, причем сделано это должно быть не только путем перевода их на другую работу, но и путем арестов по обвинению «в преступлениях по должности и пр.»

В документе имелись предложения и относительно коммунистов, которые свидетельствовали о том, что вовсе не беспочвенным было раздражение многих коммунистов всевластием «чересчурки», явно желавшей повышения своего статуса и роли в новых, мирных условиях, даже по сравнению со временами гражданской войны. Речь шла о «беспощадном изгнании из рядов партии тех ее членов, кои по шкурным и др. соображениям вошли в состав партии», а также выработке «директив парторганам на местах по борьбе с расхлябанностью коммунистов». Кроме этого, Самсонов предлагал заменить коммунистов и чекистов Саратовской и Самарской губерний (в которых эсеры имели самые сильные позиции) коммунистами и чекистами из «рабочих районов Владимирской, Питерской, Иваново-Вознесенской и др. губерний». Самое пикантное — это то, как Самсонов придумал перевоспитывать коммунистов Саратовской и Самарской губерний — «по очереди обязаны отбывать 3-х месячный срок казарменной жизни, неся караульную и др. службы в частях особого назначения, причем здесь не должно быть каких-либо исключений кому бы то ни было».

Вряд ли стоит комментировать столь амбициозные планы чекистов на свое будущее в мирное время. Очевидно, что чекисты не хотели не только отказываться от «чрезвычайщины» гражданской войны, но и пытались ее всячески расширить, явно претендуя на сверхисключительную роль в государстве. Понятно и то, почему на этом документе был поставлен такой диковинный для официальной переписки гриф — «По использованию сжечь»: чекисты явно опасались не столько того, что документ попадет в руки «политпартий», сколько того, что станет известен широким кругам

собственной, коммунистической партии, которые вряд ли испытали бы прилив теплых чувств к «карающему мечу революции», функционеры которого уже с интересом присматривались и к головам коммунистов и совслужащих, готовясь и от них защитить революцию.

В целом же представляется, что совпадение по времени постановки процесса и реорганизации ВЧК в ГПУ, было вовсе не случайным, а стало результатом компромисса в большевистском высшем руководстве, когда «жесткие» пошли на реорганизацию ВЧК с некоторым урезанием ее прав (а точнее говоря — камуфлированием ее всевластия в более «законно-правовые одежды») в обмен на согласие «мягких» на усиление репрессий против эсеров, меньшевиков и анархистов.

§ 2. «ЧТОБЫ ПРАВИТЕЛЬСТВО, САМО СОЗДАННОЕ ЗАГОВОРЩИЧЕСКИМ ПЕРЕВОРОТОМ, СУДИЛО СТОРОННИКОВ ПРЕДЫДУЩЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПЕРЕВОРОТУ, ДА ЕЩЕ ЧЕРЕЗ 5 ЛЕТ, — СЛУЧАЙ НЕБЫВАЛЬИЙ»: СЦЕНАРИЙ ВЛАСТИ И «ЗАСЛУГИ» Г. И. СЕМЕНОВА И Л. В. КОНОПЛЕВОЙ В ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Проблем и парадоксов, с которым столкнулись власти, организова процесс с.-р., оказалось немало. И главный из них заключался в том, что большевикам приходилось судить людей, которых незаконно лишили власти сначала в октябре 1917 г., а затем в январе 1918 г., с разгоном Учредительного собрания. Указывая на эту несообразность, допущенную большевиками при выработке формулы обвинения, лидер меньшевистской партии Ю. О. Мартов в статье «Кровавый фарс» восклицал: «Правительство до крайности расширило рамки процесса, введя в него, в сущности, всю деятельность партии с.-р. со времени октябрьского переворота, направленную против этого переворота. Юнкерское восстание ноября 1917 года, образование Комитета Учред[ительного] собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве — словом, все акты **сопротивления** эсеров большевистскому перевороту 25 октября вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, — случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит. собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!»¹⁵.

Конечно, многие факты борьбы ПСР против РКП(б), например, деятельность «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде в конце октября 1917 г., во главе которого стояли эсеры, или образование правительства Комуча в Самаре летом 1918 г., чья Народная армия вела боевые действия против Красной армии, были общеизвестны. Вопрос заключался в том, можно ли эти действия считать преступлением и судить за них. Некоторые стороны этой проблемы были верно схвачены Э. Вандервельде, который по возвращении из Москвы заявлял: «Большевики выставили против с.-р. четыре обвинения:

1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим.

2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защите довести до конца.

3. С.-р. вели вооруженную борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это, несомненно, исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию.

4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля — кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит»¹⁶.

Без всяких сомнений, самым уязвимым местом для организаторов процесса стала проблема его правовой обоснованности. Попытки решения этой проблемы породили массу юридических коллизий даже в рамках следствия, не говоря уже о самом судебном слушании, и придавали всему процессу (достаточно абсурдному с юридической точки зрения) характер политической расправы. Во-первых, перед большевиками встала задача обойти один из основных постулатов римского права, гласивший — «нет закона, нет преступления». Другими словами, все преступления, совершенные в конце 1917—1918 гг., должны были рассматриваться в рамках закона того времени. Здесь уместно отметить, что, когда после Февральской революции Временным правительством была создана Чрезвычайная следственная комиссия, объектом внимания которой стали действия целого ряда высших должностных лиц, правовой основой ее деятельности стали законы Российской империи, имевшие силу на момент совершения преступления. Именно поэтому следствие и шло по направлению выявления «должностных преступлений», т. е. превышения служебных полномочий в рамках действовавших законов. Этот путь большевикам был заказан уже хотя бы потому, что после захвата власти ими путем отмены всех прежних законов, выкраивания лоскутных новых, ставших системой лишь к середине 1922 г., было сознательно разрушено правовое поле. Конечно, законы времен гражданской войны были в высшей степени приспособлены для эффективной расправы с политическими врагами, но устраивать на их основе процесс, находившийся в центре мирового общественного внимания, а следовательно, расписываться в вопиющем правовом нигилизме и потерять лицо, значило не достичь целей, поставленных перед процессом над эсерами. Власть нашла достаточно простой выход из ситуации — она судила эсеров по законам, принятым уже после инкриминируемых им преступлений.

Во-вторых, огромной проблемой стала (и остается таковой до сих пор) правомочность применения юридических норм к событиям, трансформирующим общество и запрещаемым законами любого государства (революция, государственный переворот, гражданская война). Уступая место политике, юриспруденция оказывается бессильна перед лицом общественных катаклизмов. Большевики пытались решить эту проблему, встав на чисто формальную точку зрения — есть ряд действий эсеров в 1917—1918 гг. и есть положения более поздних законов, под которые эти действия попадают. С этой позиции вооруженная борьба эсеров с большевистской властью становилась противоправной, т. к. была направлена на свержение существующей власти. Но, выводя за рамки обсуждения вопросы о законности существования самой большевистской власти и методах ее борьбы с оппонентами, большевики, используя двойной стандарт и прикрываясь шумной демагогией, занимались политическим шулерством.

Многие из аргументов и логики действий большевистской власти, снимавшей с себя ответственность за развязывание и эскалацию гражданской войны и перекладывавшей ее на своих противников, в последующие

годы оформились в аксиомы, часть из которых бытует и сегодня. Ведь во многих случаях за эсерами стояли не только логика и здравый смысл, но и закон. Обвиняя эсеров в оказании вооруженного сопротивления большевикам в Петрограде и Москве в октябре 1917 г. и развязывании гражданской войны, большевики старательно обходили тот факт, что уже сам их курс с апреля 1917 г. на силовой захват власти в условиях демократического волеизъявления народа незаконен и недостоин партии, имеющей в своем названии слово «демократическая». Захват власти (кем бы то ни было) накануне выборов в Учредительное собрание, первых действительно свободных и равных выборов, которые и должны были дать настоящую легитимность будущему правительству, совершенно неизбежно вел к недовольству и противодействию большинству политических партий и различных слоев общества, и в результате — к эскалации гражданской войны. Аргумент большевиков, что гражданскую войну развязал мятеж Л. Г. Корнилова, лишь подтверждает этот вывод. Двойной стандарт большевиков заключался в том, что предотвращение ими (совместно с другими социалистами) захвата власти Корниловым считалось благом, а попытки предотвращения захвата власти большевиками — преступлением, ведущим к развязыванию гражданской войны.

Двойной стандарт ярко проявился и в признании недопустимости защиты эсерами легитимно избранного Учредительного собрания (эсерам вменялись в вину не только стремление поднять на защиту Учредительного собрания часть войск Петроградского гарнизона, но и организация мирной демонстрации). В случае с Учредительным собранием за эсерами было многомиллионное волеизъявление народа, а также моральное и юридическое право защищать сам народ от посягательств на его право самостоятельно решать свою судьбу.

Большевики отдавали себе отчет в том, что в зале суда будут выглядеть весьма бледно в полемике не только по этим двум пунктам своего «обвинения» эсеров, которые немедленно сделают настоящими обвиняемыми именно большевиков (оперируя аргументами, которые сложно отразить лишь демагогией «двойного стандарта»), но и по многим другим пунктам (крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж и т. д.). Именно поэтому откровения бывшего эсера Г. И. Семенова оказались столь ценны для большевиков. Ведь обвинения в связях с союзниками и получении от них денег, в совершении покушений на видных большевиков, от которых ЦК ПСР отказывался, в проведении ряда экспроприаций, часть из которых была типичным грабежом, подрыве воинских и санитарных поездов и т. п. били эсеров по самому уязвимому месту, разрушая их образ борцов за идею и превращая (не без помощи умелой пропаганды) в агентов мировой буржуазии, получающих жалованье за свою подрывную деятельность против советских трудящихся.

Решить эту проблему превращения политических противников в полубандитов помогли Г. И. Семенов и Л. В. Коноплева, бывшие эсеры, ставшие коммунистами. Вообще особенностью процесса над ПСР, вероятно, можно с полным правом считать ту исключительную роль, которую сыграли в его постановке ренегаты, и прежде всего — Семенов и Коноплева. Практика революционного движения второй половины XIX — начала XX в., безусловно, дала много примеров самого разнообразного предательства; особенно массовым это явление стало после поражения революции 1905—1907 гг., прежде всего как результат наплыва в революционные партии случайных людей. По свидетельству очевидцев, в это время почти ни один процесс над революционерами не обходился без

ренегатства. Оно было многолико: от провокаторства до дачи «откровенных показаний». Многолико оно было и по «человеческому материалу» — от сознательно действовавшего Е. Ф. Азефа до запутавшихся и комплексующих Д. Г. Богрова и А. А. Петрова. Но, с одной стороны, роль провокации и ренегатства в постановке процесса над эсерами столь исключительна, что и аналогий-то подобных невозможно подобрать, а с другой стороны, сама фигура и фантастическая биография Семенова ставят его, безусловно, в первые ряды «великих людей», вроде Азефа, Богрова и пр. (Историк А. Л. Литвин даже назвал свою статью, посвященную Семенову, «Азеф Второй».) Впрочем, Семенова нельзя отнести к банальным платным секретным сотрудникам, он намного сложнее. Он поменял много ролей: анархиста, эсера, охотника-террориста за головами Володарского и Ленина, сотрудника разведуправления Красной армии, ключевой фигуры на процессе над ПСР, специалиста по промышленному шпионажу, организатора диверсионной и партизанской борьбы в Испании и т. п., но основной чертой его характера всегда был авантюризм.

Отметим лишь те этапы его биографии, которые нам необходимы для понимания его роли в организации процесса¹⁷. Григорий Иванович Семенов родился в своеобразной «революционной» семье — отец привлекался по делу Петрашевского, а четверо старших детей стали революционерами (две сестры Г. И. Семенова погибли, а два старших брата, ставшие анархистами, осели позднее в эмиграции во Франции). Братя и ввели его в среду анархистов-коммунистов, каковым Григорий Семенов и считал себя с 1906 по 1912 г. После трех арестов и ссылки он эмигрировал в 1912 г. во Францию, где с помощью брата устроился электромонтером в Марселе и Ницце и сблизился в эсерами. С этого момента он становится эсером, хотя, насколько известно, абсолютно ничем на партийном поприще себя не проявляет вплоть до 1917 г. В 1915 г. он вернулся в Россию и Февральскую революцию встретил, находясь на службе в армии в качестве младшего унтер-офицера — инструктора в электротехническом запасном батальоне, что и позволило ему сделать типичную для того времени карьеру — по «военно-комиссарской» линии. В конце 1917 г. Семенов являлся уже комиссаром IX армии и был делегатом II съезда Советов, а после Октября 1917 г. — комиссаром конного корпуса¹⁸. Это позволило ему стать членом Военной комиссии при ЦК ПСР (членом ЦК ПСР, вопреки ряду утверждений, он не был). Следующая страница из жизни Семенова стала предметом бурных споров и различных толкований накануне и в ходе процесса, да и до сих пор многое остается в ней неясным. Безусловно только то, что он собрал вокруг себя нескольких рабочих из петроградских боевых дружин и нескольких революционеров-интеллигентов и занимался подготовкой террористических актов и проведением экспроприаций. Спор велся вокруг вопроса о том, был ли у этой группы Семенова статус Центрального боевого отряда при ЦК ПСР (как утверждал сам Семенов, чекисты и некоторые из членов его группы, получавшие санкции на убийство видных большевиков, включая Ленина и Троцкого) или это была полная самостоятельность авантюристов Семенова и его помощницы Коноплевой (также бывшей анархистки), обманывавших рядовых боевиков (как утверждали эсеры).

После покушения на В. И. Ленина, совершенного членом его группы Ф. Каплан (по словам подсудимых 2-й группы), Семенов был арестован в сентябре «военным контролем» (контрразведка РККА) за принадлеж-

ность к военной организации ПСР. После ареста пытался бежать, ранив двух конвоиров, но благодаря заступничеству А. С. Енукидзе и Д. Б. Рязанова остался жив. После 9-месячного пребывания в тюрьме, где, по его словам, он осознал неправильность своей борьбы с большевиками, он начал сотрудничать с ними. В 1919 г. Семенова зачисляют в штат разведуправления Красной армии. Впрочем, хотя сам Семенов считал себя работающим в военной разведке, ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР в своей справке 1957 г. отмечало, что в 1919—1921 гг. он «работал по линии ОГПУ»¹⁹. Представляется, что, состоя в штатах разведупра, Семенов выполнял и поручения, находившиеся скорее в компетенции ВЧК. Так, из показаний начальника Отделения военной разведывательной работы при Реввоенсовете Западного фронта Мазанова, выступавшего на процессе в качестве свидетеля, видно, что Г. И. Семенов, поступивший в его распоряжение в конце июля 1920 г., был отправлен им через фронт с двумя задачами — «...с одной стороны, Семенов должен был вести подрывную работу в тылу Польской армии, а главное выяснить сущность принципов работы Савинковской организации в нашем тылу...» В чем должна была заключаться подрывная работа Семенова, стало ясно из слов одного из его товарищей по МПСР, поддерживавшего польскую кампанию большевиков и официально командировавшего Семенова на польский фронт. По его словам, Семенов должен был взорвать артиллерийский склад в Варшаве, но был схвачен властями. По просьбе Семенова к нему в тюрьму приехал Б. В. Савинков, ходатайствовавший перед поляками о его освобождении. После этого он вернулся в Москву, где встречался с Дзержинским, который отправил Ленину и Троцкому для ознакомления донесение Семенова, где шла речь о договоренности Семенова и Савинкова об организации покушения на советских лидеров²⁰. Туманность и странность отношений Семенова и Савинкова, а позже общение Семенова с Дзержинским настолько не понравились его товарищам по МПСР, что было назначено партийное следствие, закончившееся исключением Семенова из МПСР. Об этом вспоминал Н. Безпалов в опубликованной им в 1925 г. за границей «Исповеди агента ГПУ»²¹.

В одном из дел фонда Н-1789 имеются извлечения из документов дела Семенова, хранившегося в тот момент в архиве Реввоенсовета (в том числе описание практической работы Семенова в Польше и инструкция, подписанная ответственным руководителем НВО Верховским и Семеновым, датированная 1 августа 1920 г. и содержащая подробные указания, какая именно работа поручается Семенову), с указанием, что само дело «ввиду особой секретности» «не прилагается в подлиннике»²².

После знакомства с этим документом возникает ряд вопросов. Кому принадлежит инициатива предложить услуги Семенова Савинкову для совершения терактов против советских руководителей? По версии Семенова, — ему, а он лишь своевременно изложил его Верховскому. По версии последнего, напротив, план принадлежал ему. И еще. По случайно прозвучавшим на процессе словам, известно, что Савинков имел задачу взорвать в Варшаве артиллерийский завод. Динамит для взрыва, как следует из слов Верховского, он должен был взять у Савинкова, якобы для терактов против советских руководителей. План безусловно был по-иезуитски изыщен — не везти динамит с собой, рискуя провалом, а получить динамит с помощью Савинкова, а затем взорвать этим динамитом артиллерийский завод. Нетрудно себе представить, до какой степени Б. В. Савинков был бы скомпрометирован в глазах польских властей, если бы вскрылось чьим динамитом была произведена диверсия.

Но далее история становится еще интереснее — в подготовке террористических актов против советских руководителей обвиняют эсеров и заключенных членов ЦК ПСР объявляют заложниками! Один из обвиняемых по процессу чекистов (подписался — М.), написал 20 мая 1922 г. В. М. Чернову (письмо было сфотографировано сексотом ИНО ГПУ уже в Берлине): «Почему у Вас нет материала о Семенове, что он в бытность в Польше вошел в сношения с Савинковым, предложил свои услуги для боевых дел, устраивал там динамитные мастерские и готовил группы для террористической борьбы с большевиками. Все это стало известно польским коммунистам, и они известили советскую власть о готовящихся покушениях. Это сообщение вызвало большой переполох в Москве, нас, чекистов, экстренно перевезли из Ярославля в конце 1920 года в Москву и оставили заложниками, предположив, что это эсеровское дело»²³.

При знакомстве с докладом Верховского возникает ключевой вопрос (его многократно пытались поставить эсеры): почему Верховский был уверен, что Савинков поверит в способность Семенова организовать подобный акт против советских руководителей? Достаточно ли было лишь их знакомства в качестве военных комиссаров в 1917 г., как утверждал Семенов? Кто только не был военными комиссарами в 1917 г., и по большей части они играли ту же роль, за которую Керенского прозвали «главноуговаривающим». Должность военного комиссара вовсе не свидетельствовала о способности человека к такой в высшей степени специфической деятельности, как террористическая. Почему подобная мысль вообще пришла Верховскому в голову, если он не знал о том, что Семенов возглавлял боевую группу в 1918 г., готовившую теракт против Ленина (и что это известно Савинкову)? Все, что мы знаем о Савинкове как о руководителе БО ПСР в 1909—1911 г., говорит о его усилившейся подозрительности после дела Азефа и его феноменальной чуткости и настороженности, позволившей ему избежать провала группы наблюдателей в 1910 г., когда он их увел из-под носа охранки. Об этом в один голос говорили и все знавшие Савинкова люди, не верившие, что он мог в 1920 г. поверить Семенову без очень веских на то оснований. Есть и другой аспект. Можно верить в политическую честность человека, но как можно поверить, что человек, не имеющий опыта, сумеет поставить террористический акт самого высокого уровня — на руководителей советского государства?

И другой вопрос. Что все же знал Серебряков о его прошлом, рекомендуя Семенова с женой для проведения диверсионной операции? Когда Семенов ему признался? Не раньше лета 1921 г., как утверждала Коноплева, когда они с ним стали думать о разоблачениях? Или значительно раньше? Обычному военному комиссару 1917 года не доверяют столь секретного дела, как разведывательная и диверсионная деятельность. Серебряков же пустил таланты Семенова по линии военной разведки.

Запрос Самсонова о Семенове коллегам из военной разведки, хранящейся в упомянутом деле, также наводит на ряд интересных размышлений. В любом случае чекисты оказались не в курсе событий. Они догнали лишь их эхо и пытались взять ситуацию под контроль. Есть основания считать, что именно в это время Г. И. Семенов признается большевикам в своем участии в организации покушения на В. И. Ленина. В январе 1921 г. Г. И. Семенов по рекомендации видных большевиков А. С. Енукидзе, Л. П. Серебрякова и Н. Н. Крестинского вступает в РКП(б). Заявление о приеме в большевистскую партию было подписано и его женой Н. Т. Богдановой, бывшей эсеркой, к 1921 г. также ставшей сотрудницей

разведупра²⁴. Участница террористической группы Семенова Л. В. Коноплева в феврале 1921 г. также вступает в РКП(б) и возобновляет свои связи с военной разведкой, которая отправляет ее в марте 1921 г. в Германию, откуда ее вызывают для дачи показаний на предварительном следствии по процессу над ПСР. В этом контексте понятно то количество проблем и вопросов, которое возникает по поводу правдивости или инсценированности показаний Семенова (изложенных им в написанной в декабре 1921 г. брошюре) и Коноплевой, ставших ядром всего процесса.

Изначальные обвинения против эсеров были основаны на разоблачениях, содержащихся в брошюре Г. И. Семенова «Военная и боевая работа ПСР в 1917—18 гг.», опубликованной в Берлине в феврале 1922 г. Предыстория написания брошюры неизвестна. Рукопись была закончена Семеновым 3 декабря 1921 г. в Берлине (в самой рукописи, хранящейся в архиве ФСБ, место написания замазано) и вскоре оказалась на столе Генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина, оставившего после ознакомления следующую резолюцию: «Читал. И. Сталин (Думаю, что вопрос о печатании этого документа, формах его использования и также о судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден в П. Б.). И. Сталин»²⁵.

В своей брошюре Семенов весьма подробно, с перечислением многих десятков имен (он назвал 93 фамилии) рассказывал о попытках эсеров свергнуть большевиков в первые же дни после захвата ими власти, о подпольной работе в войсках Петроградского гарнизона осенью — зимой 1917—1918 гг., о плане вооруженного восстания в день открытия Учредительного собрания, о получении финансовой помощи от «союзных миссий». Но настоящей сенсацией стал его рассказ о террористической деятельности возглавлявшегося им Центрального боевого отряда ЦК ПСР, совершившего покушения на В. Володарского, М. С. Урицкого и В. И. Ленина, а также ряд экспроприаций, в том числе у частных лиц. Брошюра заканчивалась событиями конца 1918 г., когда Семенов был арестован, но вскоре выпущен на свободу. Вопрос о деталях инспирации брошюры Семенова до конца неясен, как до конца неясны подробности его связей с чекистами (хотя сами факты инспирации и связи сомнений не вызывают).

В высшей степени показателен диалог по этому поводу, состоявшийся в зале суда между подсудимым 1-й группы членом ЦК ПСР М. Я. Гендельманом и Г. И. Семеновым, в который вмешались Пятаков и Крыленко. Гендельман, допрашивавший Семенова и долго задававший вопросы лишь для уточнения деталей, вдруг прямо высказал то, что вытекало из вскрывавшихся противоречий — фабрикация их в брошюре. Совершенно неожиданно для всех, в том числе, и для Семенова Гендельман стал задавать вопросы о том, с кем он советовался, когда писал эту брошюру, когда и где он ее писал и т. д., явственно намекая на провокаторскую роль Семенова. Растерянность от этого неожиданного нападения Гендельмана была так велика, что Семенов сначала стал путаться в сроках ее написания и отказался называть место ее создания, мотивировав это тем, что находился на нелегальной работе (на рукописи стоит собственноручная запись Семенова — 3 декабря, Берлин), и наконец сбился в истерику и обвинения в адрес эсеров²⁶.

Текст рукописного подлинника брошюры Семенова не имеет никакой правки, кроме чисто стилистической. По крайней мере, можно констатировать, что И. В. Сталин в создании «правдивой истории об эсеровских злодеяниях» участия не принимал (во всяком случае на этом этапе). Кто дал команду Семенову написать брошюру? Очевидно, это были или

чекисты, или один из видных коммунистов, скажем, из числа дававших Семенову рекомендации для вступления в РКП(б). Принимал ли участие в написании брошюры кто-либо из чекистов или коммунистов? Вряд ли. Но, если допустить, что — да, то есть два возможных варианта. Первый — написанный Семеновым текст «редактировал» «соавтор», после чего Семенов его набело переписал. Второй — «параметры» брошюры были обговорены устно и заранее, и корректив в нее больше не вносили. Главными такими «параметрами» могли стать, скажем, четкое указание на то, что террористическая группа Семенова имела официальный статус, подчинялась ЦК ПСР, получала санкции от членов ЦК ПСР на убийство Володарского, Ленина, а также на проведение экспроприаций, или свидетельства о том, что эсеры получали деньги от французской военной миссии и т. д. Такой вариант кажется самым реальным, т. к. детали на данном этапе не были важны, их можно было отработать на следствии.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «о предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р.» было принято 28 декабря 1921 г. Решение о сроках выходы брошюры было принято еще позже, и реально она была опубликована в Берлине в конце февраля. Почему тянули с публикацией брошюры? Ответ видится таким — брошюра уже задавала всю канву следствия и обвинения и до ее появления (которое сразу же давало эсерам сигнал к осуществлению соответствующих контрмер и «заметанию следов») надо было хорошо подготовиться, т. е. надо было выявить местонахождение максимально большего числа людей, упоминаемых в брошюре и начать их арестовывать, дабы не дать возможность уйти в подполье, как только брошюра увидит свет.

Кроме того, чекисты должны были сами познакомиться с материалом, «войти в тему» заранее (а не после начала следствия), чтобы максимально использовать эффект внезапности. Это облегчало возможность раскола подследственных, склонения их к откровенным показаниям и т. д. А материал был огромен и сложен, так как охватывал всю гражданскую войну, десятки направлений и сотни сюжетов, многие сотни фамилий и т. д. и т. п.

Знакомство с материалами процесса позволяет сделать вывод, что чекисты элементарно «не потянули» многих вещей. Всего лишь три примера из имеющихся документов — грубейшие ошибки и путаница в списке обвиняемых от 24 февраля 1922 г., составленном Президиумом ГПУ; история с уходом в подполье видного эсера В. Н. Рихтера (о них речь пойдет в следующем параграфе) и инцидент с директивным письмом Кожевникова в Петроград — ярко показывают недостатки чекистского аппарата и его малую способность к согласованным и четким действиям²⁷.

Инцидент, произошедший в декабре 1921 г. и стоивший Кожевникову карьеры, стал нам известен из документов хранящегося в фонде Н-1789 дела «Секретные материалы о подрывной и террористической деятельности Военной Комиссии ЦК ПСР», содержащего материалы, помогающие понять внутреннюю чекистскую кухню подготовки процесса²⁸. Кожевников «прославился» еще зимой 1920 г. — арестом детей В. М. Чернова и содержанием их в тюрьме без согласования с Самсоновым (эта история красочно описана в воспоминаниях дочери В. М. Чернова, опубликованных за границей много лет спустя²⁹). К декабрю 1921 г. он был начальником 3-го отделения СО ВЧК, специализировавшегося на эсерах. В деле имеется написанный им текст, который представляет собой многостраничный конспект брошюры Семенова с описанием событий и фамилий (текст написан неярким карандашом, к тому же трудно читаемым почерком).

Однако на закономерно возникающий вопрос, что чему предшествовало — рукопись Кожевникова брошюре Семенова или наоборот, с полной уверенностью ответить нельзя. Черновик Кожевникова не датирован, и можно предположить, что он представляет собой своего рода канву, развернутую затем Семеновым в текст брошюры. И все же утверждать подобное, похоже, никаких оснований нет. Главный аргумент против этой гипотезы, поневоле приходящей в голову при знакомстве с этим черновиком, — не было смысла придумывать за бывшего эсера Семенова всю цепочку событий, когда было достаточно лишь скорректировать (или задать) главные сюжетные линии. Впрочем, некоторые странности, вроде нескольких старательно замаранных фамилий, объяснения не находят. В самом деле — зачем было это делать в черновике, который является всего лишь конспектом текста, подлежащего публикации? Итак, ничего, кроме того, что перед нами черновик для систематизации материала брошюры, сказать нельзя.

Гораздо больший интерес представляет для нас другой документ из этого же дела, относящийся к декабрю 1921 г., хотя не на все возникающие при знакомстве с ним вопросы мы можем ответить. Речь идет о большом служебном письме, адресованном начальнику Петроградской ВЧК Мессингу, составленном единолично начальником 3-го отделения СО ВЧК Кожевниковым и датированном 21 декабря 1921 г. Оно должно было быть подписано начальником СО ВЧК и начальником 3-го отделения СО ВЧК, но вместо подписей красовалась следующая приписка, сделанная рукой Кожевникова: «Приписка: Ввиду отхода поезда на Петроград за отсутствием тов. Самсонова материал для срочной разработки по розыску причастных лиц за моей подписью направлен с тов. Кузьминым упол. из отд. СО ГПУ». Но эта бумага в Питер не уехала, так как в тот же день на нее была наложена резолюция Самсонова, которую пытались вымарать сначала красным, а затем синим карандашом — в тон синим чернилам (большую часть резолюции все равно можно прочитать). Она гласила: «т. Кожевникову. Предлагаю впредь без меня и моего ведома таких бумажек и, главное, в такой редакции не писать. Кроме того, нужно Мессингу послать список всех лиц, проходящих по делам в Питере, с краткой характеристикой, данные Вами сведения не (далее неразборчиво. — К. М.)»³⁰.

Что же такое было в этом письме, написанном Кожевниковым? Есть ли какая-нибудь связь между ним и тем, что его звезда исчезла с чекистского небосклона? На что так рассердился Самсонов и почему его резолюция была замарана (хотя документ и лежал в «секретных материалах», которые не выдавались подсудимым для ознакомления, да и вообще ни на чьи посторонние глаза попасться просто не могли)?

Очевидно, что ответы на эти вопросы нужно искать в самом письме, которое на свой страх и риск Кожевников написал Мессингу. Письмо имело два грифа: «Совершенно секретно» и «Только лично» и его вступительная часть гласила: «Тов. Мессингу. Имеющийся [в] СО ВЧК материал указывает на принадлежность к террористической деятельности по директивам ПСР целого ряда лиц, находившихся в Петрограде <...> ЦК РКП настаивает на срочном розыске причастных лиц к террористической деятельности и организовать процесс (публичный) по обвинению ПСР в лице Центрального Комитета, по директивам коего были произведены убийства вождей пролетариата. За конспиративность разработки по розыску Петроградских террористов ответственность возлагается на Вас. В 17—18—19 гг. при ЦК ПСР существовала Военная организация, в Петрограде существовали боевые рабочие дружины по пяткам и десяткам»³¹.

Далее следовал весьма пространный пересказ брошюры Семенова, который фиксировал основные инкриминируемые эсерам деяния, а также фамилии их участников. Текстологическое сравнение этого документа и брошюры Семенова (которая, в свою очередь, ничем, кроме незначительной стилистической правки, не отличается от рукописи) показывает, что источником письма была только брошюра Семенова и ничего более, т. е. Кожевников не использовал каких-либо иных, более ранних устных или письменных показаний Семенова. Даже порядок изложения событий и имен совпадал абсолютно. Никаких иных сведений или имен, не содержащихся в брошюре, в письме Кожевникова не встречается. Он лишь дает более сухую версию событий, выпуская ненужные, с точки зрения оперативной разработки, детали.

Что же тогда вызвало такую реакцию Самсонова? Самсонов подчеркнул в письме Кожевникова следующие два места: «ЦК РКП настаивает на срочном розыске причастных лиц...» и «За конспиративность разработки по розыску Петроградских террористов ответственность возлагается на Вас». Думается, то, что письмо Кожевникова было из ряда «поперед батьки в пекло», да еще при отягчающих обстоятельствах. Мало того, что задолго до выхода брошюры она и ее автор засвечивались столь близким к тексту пересказом (пусть и сугубо в чекистских кругах, но утечек информации не боятся только прямолинейные люди вроде Кожевникова), так еще «прямо в лоб» говорилось об определяющей роли ЦК РКП(б), требующего розыска и организации процесса, да еще говорилось за неделю до соответствующего решения Политбюро.

Судя по всему, Кожевников, не подумав, влез в «высокую политику». Руководитель питерской ЧК Мессинг «ходил» под Г. Е. Зиновьевым, и в какой степени Зиновьеву эта информация оказалась бы в новинку и какие мысли о принятии решения за его спиной (и других членов Политбюро) она вызвала бы, можно только догадываться. С другой стороны, вполне возможно, что, ознакомившись с рукописью Семенова и приняв для себя решение об ее публикации и использовании в подготовке процесса, Сталин уже дал чекистской верхушке команду начинать активные розыскные действия, не дожидаясь решения Политбюро. Впрочем, такого указания со стороны Сталина могло и не быть, а чекисты сами решили не терять времени даром в фактически предрешенном вопросе. Но в этом случае Кожевников повел себя как инициативный и услужливый дурак, который подводил Дзержинского, Уншлихта и Самсонова в глазах как Сталина, так и других членов Политбюро (недовольство властью и малой контролируемостью ВЧК были довольно распространены в это время в коммунистической партии). Но он этим подводил и Сталина (если это было его единоличное решение), сталкивая его с другими членами Политбюро.

Конечно, это только догадки, но то, что чекистская карьера Кожевникова кончилась бесповоротно именно в это время, наводит на вполне определенные размышления. Представляется, что Самсонов и его чекистские начальники решили, что на том новом этапе, который переживает реформируемая ВЧК, в условиях партийно-чекистских игр и более тонких игр в полугласные процессы, прямолинейный и честный Кожевников, который был хорош в 1919—1921 гг., просто опасен для них самих (по поговорке «Услужливый дурак — опаснее врага»). В результате начальником 3-го отделения становится Т. Д. Дерибас, а следствие по процессу эсеров вытягивает на своих плечах Я. С. Агранов.

Безусловно, Самсонов был прав, указывая в своей резолюции, что Мессингу нужно было дать только список лиц с их характеристикой для установления их местонахождения, не раскрывая перед последним никаких карт, т. к., кроме установления местонахождения петроградских эсеров, ему и его начальникам от Мессинга ничего было не нужно. Прямолинейность и честность Кожевникова, с их точки зрения, была излишней. Судя по тому, что Самсонов подчеркнул и фразу о возложении ответственности за конспиративность разработки петроградских террористов на Мессинга, Кожевников мог разворошить и еще один муравейник. Известно, что позже руководителям региональным ПП ГПУ и губернских отделов ГПУ очень не нравилось, что ими командуют начальник СО ГПУ и тем более начальники отделений СО ГПУ (это недоверие, попытка фрондировать и своевольничать и даже поспорить (правда, осторожно) прекрасно прослеживается на материалах чекисткой переписки вокруг «развезенной» голодовки 1925 г., о которой речь пойдет ниже). В данном случае начальник 3-го отделения в одиночку давал директивы, да еще в сугубо начальственных тонах возлагал ответственность на председателя губчека, да еще не рядовой губернии, а Петроградской!

Нетрудно представить, как сильны в 1921 г. были болезненные настроения в петроградских властных коридорах от потери их городом столичного статуса и как в штывы встречали они любые проявления «московского снобизма» (эти настроения и до сих пор сильны, и не только в «северной столице»). Совсем не случайно, что летом 1922 г. после принятия в Москве инструкции о порядке высылки административно-ссылных, питерские партийные и чекистские руководители потребовали от Москвы права самостоятельной высылки.

Окончательно решение о публикации брошюры Семенова было зафиксировано в постановлении Пленума ЦК РКП(б) «Об эсерах и меньшевиках» от 28 декабря 1921 г.: «а) предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р. б) Поручить комиссии в составе т.т. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования; в) Предложение т. Дзержинского о меньшевиках передать на предварительное рассмотрение той же тройке с докладом в Политбюро»³².

§ 3. ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ФОРМУЛЫ ОБВИНЕНИЯ И СПИСКА ОБВИНЯЕМЫХ. ФОКУСЫ АМНИСТИРОВАНИЯ

Вопиющая юридическая безграмотность сыграла с членами Политбюро и Президиума ГПУ злую шутку. Уже само постановление Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. «о предании суду Верховного трибунала ЦК партии с.-р.» было юридическим нонсенсом, т. к. по закону судить можно было только людей, а не учреждение.

24 февраля 1922 г. Президиум ГПУ постановил предъявить обвинение 43 «членам ЦК ПСР состава 1917, 1918 и последующих годов» и 140 «активным членам ПСР» за участие «в организации вооруженного свержения Соввласти, терроре и экспроприациях». Это постановление исправляло ошибку предыдущего, но создавало массу проблем юридического и практического характера. Решив предъявить обвинения всем, кто был указан в составе ЦК ПСР, и еще 140 «активным» эсерам (куда включили всех сколько-нибудь видных эсеров, а также всех названных в брошюре

Семенова и докладе Коноплевой), чекисты, очевидно, не представляли себе, какой объем следственных действий необходимо будет произвести для конкретного обвинения каждого из этих 183 человек. (Предварительное следствие по знаменитому процессу 193-х длилось около трех лет.) Любопытна резолюция Каменева на данном документе: «т. Молотову, Бюю, что сделана ошибка перечислением всех с.-р. Для дальнейшего ведения дела надо образовать специальную негласную коллегию — Уншлихт, Крыленко, Луначарский, Покровский (фамилия Покровского Каменевым затем была вычеркнута. — *К. М.*) и Стеклов. Тайная, для собирания материалов и руководства. Л. К[аменев]»³³.

Небрежность, допущенная при составлении этого документа, феноменальна: более чем у половины обвиняемых отсутствовали инициалы, были допущены многочисленные ошибки в фамилиях (причем фамилии порой перевернули невероятно, скажем, превратив Бианки в Блинина), в ряде случаев назывались ненастоящие фамилии (в том числе и варианты одной фамилии), в списке оказались немало умерших и погибших³⁴. Особо подчеркнем, что подобное было допущено в документе, подлежащем публикации, в документе который давал старт публичному судебному процессу (подробнее см. ниже). Надо полагать, что и в розыскных списках, отправленных в губотделы ГПУ, дело обстояло не лучше. По крайней мере немалое количество людей из списка так и не было обнаружено.

Но наиболее ярко небрежность и юридический нигилизм членов Политбюро и Президиума ГПУ проявились в игнорировании постановления ВЦИК от 26 февраля 1919 г., амнистировавшего все социалистические группы, которые отказались от вооруженной борьбы с Советской властью. Анекдотичность ситуации усугублялась тем, что спустя три недели после начала предварительного следствия Политбюро 23 марта 1922 г. приняло решение назначить «для фактического начала процесса с.-р. срок не позже, чем через месяц», а 1 апреля 1922 г. зам. председателя ГПУ Уншлихт известил членов Политбюро, что судить эсеров невозможно, пока не дезавуирована амнистия ВЦИКа, которая «может быть истолкована как амнистия за все деяния отдельных членов и групп п.с.-р. в период вооруженной борьбы с Советской властью. Так оно истолковывается привлеченными к предстоящему процессу членами ЦК п.с.-р. В соответствующем духе с.-ры выступают и на суде Верховного Трибунала». Для исправления ситуации Уншлихт предлагал обнародовать либо «разъяснение НК юстиции о том, что постановление ВЦИК от 26/2-19 г. не распространяется на тех членов п.с.-р., которые приняли участие в террористической и экспроприаторской деятельности п.с.-р. в 1918 году, либо соответствующее постановление Президиума ВЦИК»³⁵. Но даже такая трактовка амнистии 1919 г. спасала ситуацию лишь отчасти, поскольку прежняя концепция (судить как можно больше эсеров за «преступления» 1917—1918 гг.) разрушалась, поскольку подавляющему большинству подследственных было невозможно вменить в вину (а главное доказать) их причастность к террору и экспроприациям. Исключением составляли члены боевой группы Семенова, но именно они сотрудничали со следствием.

Об экспериментах властей с трактовками амнистии весьма язвительно высказывался Ю. О. Мартов: «При таком расширении рамок дела, сам собой становится вопрос, уже давно нами поставленный, о действительности той амнистии, которая в свое время, после прекращения эсэрами вооруженной борьбы, была провозглашена для всех деяний, с нею связанных.

Нельзя сказать, чтобы советские юристы остались глухи к указаниям социалистов всего мира на чудовищность самого суда по делам, погашенным амнистией. Нет, они приняли во внимание эти соображения и нашли гениальный выход из затруднения. Члены Ц.К., заявляет обвинительный акт, „руководили контрреволюционной деятельностью партии с.р. по подготовке вооруженного свержения советской власти как до амнистии 19 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному (?) смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может“. Отцы-иезуиты — воистину „мальчишки и щенки“ в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, если б какое-нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией. Даже царское правительство, амнистировав нас в октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые „преступления“ на том основании, что мы занялись новыми!

Вне всякого сомнения, обвиняемые и их защитники выведут в этом пункте на свежую воду кремлевских иезуитов, и ни у кого во всем мире не останется сомнения в том, что в Москве происходит не судебный процесс, хотя бы по законам революционного времени, а самая подлая, ибо прикрытая трусливо-иезуитской казуистикой, п р а в а над политическими противниками»³⁶.

Из документов видно, что «объявление» миру о «преступлениях эсеров» и проведении процесса над ними было решено провести по следующей схеме, проделав ряд мероприятий с минимальным разрывом во времени: издать за границей брошюру Семенова, затем рассказать о ней в фельетонах в советской России, попутно рассказав об этом и в коммунистических газетах Запада, опубликовать в советских газетах сообщение ГПУ.

25 февраля 1922 г. Политбюро было ознакомлено с весьма пространном проектом сообщения Президиума ГПУ, называвшимся: «ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. Сообщение о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров» и заканчивавшимся словами: «Эта партия белого террора и бандитских налетов должна быть пригвождена к позорному столбу. Эта плеяда застрельщиков гражданской войны против власти трудящихся предстанет пред Трибуналом пролетарской революции. Государственное политическое управление призывает СЕМЕНОВА (ВАСИЛЬЕВА) и всех с.-р., причастных к деятельности этой партии, но понявших ее преступные методы борьбы, явиться на суд над партией С. -Р.»³⁷. 4 марта 1922 г. Политбюро также приняло решение о возможности привлечения в качестве обвиняемых всех эсеров, в том числе бывших, ставших членами РКП(б), «привлечение которых окажется необходимым в связи с процессом п.с.р.»³⁸.

Насколько помогли в постановке процесса бывшие эсеры, ставшие большевиками, видно на примере бывшего секретаря МК ПСР Г. М. Ратнера (родного брата члена ЦК ПСР Евгении Ратнер), потребовавшего своего вывода на процесс (он стал фактически лидером второй группы обвиняемых и неоднократно делал от их имени заявления) и сказавшего, что ради интересов революции можно и должно свести и сестру на эшафот (ее приговорили к высшей мере наказания и оставили в «строгом заключении», а он был «оправдан по суду»).

Стремление властей организовать громкий «партийный» процесс привело к расхождению и даже противоборству между «тройкой» и чекистами, с одной стороны, и коллегией Верхтриба и его председателем Н. В. Крыленко — с другой. Вообще по отношению к чекистам Крыленко вел себя весьма независимо. Это видно из рапорта И. С. Уншлихту от 15 марта 1922 г. начальнику 3-го отделения СО ГПУ Р. И. Аустрина, пытавшегося получить из архива Верхтриба прекращенное дело о военной работе эсеров в Саратовской губ., но наткнувшегося на отказ. Крыленко в «довольно грубой форме» заявил, что «мы (Госполитупр.) должны вести только розыскную работу и предварительное дознание, а потом дело передать им, и добавил, чтобы мы поскорее кончили разработку и передали им». Любопытно, что Агранов обратился с жалобой на «неверное толкование тов. Крыленко прерогатив ГПУ» к Уншлихту, который сделал для себя пометку об обсуждении инцидента с наркомом юстиции Д. И. Курским. 20 апреля пом. начальника 3-го отделения СО ГПУ В. Брауде также имела подобный разговор с Крыленко, приказавшим «под страхом ответственности» немедленно сдать все дела в Верхтриб. По ее словам: «Когда я в разговоре с ним указала, что приказывать мне может только мое непосредственное начальство по ГПУ — Самсонов, Ягода, Уншлихт, Дзержинский, и что он мне может отдавать распоряжения только через них, он мне сказал: „Плевать мне на Вашего Ягуду“ и сделал соответствующий жест»³⁹.

Подоплека упомянутой коллизии такова. Следственные действия в отношении активных, равно как и бывших членов ПСР, были начаты чекистами в марте 1922 г. Предварительное следствие производилось главным образом особоуполномоченным ГПУ по важным делам Я. С. Аграновым, в помощь которому выделили еще несколько человек (Аустрина, В. Брауде и др.). Работа этой группы велась со значительной интенсивностью в течение пяти недель, причем, по позднему свидетельству самого Агранова, внимание главным образом обращали «не на технические детали, а на собиранье обвинительного материала»⁴⁰. После решения Политбюро от 13 апреля 1922 г. о создании специальной комиссии («тройки») по подготовке и проведению процесса Крыленко потребовал от сотрудников ГПУ немедленной передачи следственного дела в Верхтриб, встретив определенное противодействие со стороны Агранова, который утверждал, что необходимо не только технически подготовить материалы к передаче, но провести еще ряд допросов. Апеллируя при этом к своему руководству (Уншлихту), а через него — к членам «тройки», Агранов раскрывал еще один существенный аспект, который считал своим преимуществом перед руководством Ревтриба, позволившим и впрямь влиять на следственные действия уже Трибунала: «...тов. Крыленко не знает персонально лиц, привлекающихся к этому процессу, и отношения этих лиц к процессу, не посвящен в историю всего обвинительного материала»⁴¹.

Тем не менее 21 апреля 1922 г. на заседании Коллегии ГПУ было принято решение передать в Верховный революционный трибунал дело «по обвинению правых социалистов революционеров в вооруженной борьбе против Советской власти, в экспроприациях, террористических актах, военно-подрывной работе и в сношении с союзниками, получении от них денежных средств в 1918 г.»⁴². К этому моменту само дело состояло из восьми томов. Кроме них, в Верховный трибунал было передано «28 арестантских дел, 15 неарестантских дел, 1 том дела Локкарта, 2 тома дела Хризаколе-Де-Платан, 3 тома дела Саратовской организации ПСР»⁴³. За Верхтрибом было закреплено 46 обвиняемых, из которых 29 чел. нахо-

дилось под стражей, а 17 чел. на свободе. В это время во Внутренней тюрьме ГПУ находились В. В. Агапов, Н. И. Артемьев, М. А. Веденянин, М. Я. Гендельман, Я. Т. Дедусенко, Г. Л. Горьков-Добролюбов, А. Р. Гоц, Л. Я. Герштейн, М. А. Давыдов, Д. Д. Донской, Ф. Т. Ефимов, С. Е. Кононов, Ф. В. Зубков, Н. Н. Иванов, Е. А. Иванова-Иранова, М. А. Лихач, С. В. Морозов, П. Н. Пелевин, Д. Ф. Раков, Е. М. Ратнер-Элькинд, Н. Г. Снежко-Блоцкий, Е. М. Тимофеев, К. А. Усов, Ф. Ф. Федорович, Ф. Ф. Федоров-Козлов, В. П. Шестаков. Еще трое обвиняемых (А. И. Альтовский, П. В. Злобин и М. И. Львов) содержались в тюремном подотделе МГО⁴⁴. На свободе находились обвиняемые Д. С. Розенблом, В. И. Павевский, И. С. Дашевский, В. А. Липская-Давыдова, А. Б. Ельяшевич, С. С. Раецкий, К. И. Рабинович, Н. А. Лившиц, А. Ю. Фейт, Ф. Е. Ставская, Г. И. Семенов, Л. В. Коноплева, В. К. Белецкий, В. И. Улитин, Ю. В. Морачевский, В. И. Игнатъев, Г. М. Ратнер⁴⁵.

Передача следственных материалов тем не менее не помешала Агранову продолжать работу по «доводке» обвиняемых 2-й группы для выполнения ими требуемой на процессе роли. Так, 5 и 6 мая 1922 г., уже в ходе следствия, которое по распоряжению Е. Ф. Розмирович производили три следователя Следственного отдела Трибунала (Е. М. Дебрев, Боровский и В. Яковлев), бывшие «семеновцы» К. А. Усов и С. Е. Кононов дали лично Агранову показания о том, что месяцем ранее, еще на стадии следствия ГПУ, 9 и 16 апреля 1922 г. А. Р. Гоц, пользуясь «тюремным телеграфом», рекомендовал им «уже от данных показаний отказать» и на суде помнить, «что интересы партии прежде всего»⁴⁶. Сказанное свидетельствовало о том, что роль Агранова в подготовке процесса была одной из ключевых в подготовке части обвиняемых и свидетелей.

Суть же конфликта Крыленко с «центральной тройкой» хорошо видна из его письма в Политбюро ЦК РКП(б) от 10 мая 1922 г. В нем сообщалось, что «тройка» вместе с согласием перенести начало процесса по просьбе Крыленко с 23 мая на 1 июня 1922 г. (при условии согласия Политбюро) решила расширить рамки процесса до 1921 г., тогда как Верхтриб получил 21 апреля 1922 г. от ГПУ следственный и информационный материал, «обнимающий и с к л ю ч и т е л ь н о период за 1918 г. в объеме сделанных Семеновым в его брошюре разоблачений». Верхтриб разработал этот материал и готов был вручить 1 июня «обвинительный акт по обвинению в терроре, сношениях с союзниками, подготовке вооруженных восстаний»⁴⁷.

Но 9 мая 1922 г. ГПУ прислало в Верхтриб еще девять томов материала за все годы гражданской войны — «и касающийся Тамбовского восстания и Кронштадта и Сибири и Уфы и т. д.», для разработки которого Верхтриб просил не менее двух месяцев. Крыленко заявлял Политбюро ЦК РКП(б): «Одновременно мы считаем невозможным ставить процесс против лиц, сидящих в тюрьме с 1919 г. за действия других, еще не установленных лиц из состава ЦК правых эсеров в 1919, 1920 и 1921 г. При участии иностранной защиты это не только смешно, а прямо глупо. Привлекать же партию вообще нельзя, ибо на суде должно привлекать живых людей[,] а не партию»⁴⁸.

Крыленко фактически ставил ультиматум — проводить процесс или в рамках 1918 г. против «сидящих в тюрьме членов ЦК и иных эсеров по обвинению их в том, в чем они принимали участие, т. е. в терроре, сношениях с союзниками и эксах и подготовке вооруженных восстаний», или в рамках 1918—1921 гг., но с выделением не менее двух месяцев «на

изучение и собирание материала и установление виновных». Он заявлял: «В случае отклонения этих условий я принужден снять с себя всякую ответственность за процесс, и не желая быть виновником политического компрометирования партии, прошу дело из производства Верховного трибунала изъять и передать в другое учреждение или меня освободить от работы в Трибунале и ответственности за процесс». Ко всему этому прибавились еще и личные мотивы: следствием по делу эсеров в Верхтрибе руководила жена Крыленко Е. Ф. Розмирович, что было прямым нарушением советских законов (и инструкций самого Верхтриба) и давало основания подсудимым, а также их защите заявить о неправомерности следствия и самого процесса (что и было теми позже сделано). Суть коллизии в том, что Троцкий и Каменев сначала утвердили назначение Розмирович и спохватились лишь спустя три недели, когда ею уже был подписан первый том производства. 10 мая 1922 г. «тройка» постановила заменить Розмирович, оставив фактическое руководство следствием за ней, что вызвало демарш Крыленко, потребовавшего у Политбюро отменить это постановление. Крыленко мотивировал это в частности тем, что «об ее участии обвиняемым известно и скрыть и впредь ее участие, хотя бы и неофициальное, будет нельзя», заменить ее реально также нельзя, т. к. «другого человека, уже изучившего дело и в достаточной мере ответственного нет»⁴⁹. В письме в Политбюро от 11 мая 1922 г. он заявлял: «Считая, что подобный ответ является прямым оскорблением, ибо никто не давал Каменеву и Троцкому права вместо делового обсуждения приказывать мне в оскорбительной для меня форме. Считая, далее такое распоряжение не вытекающим из обстоятельств дела и фактически невыполнимым, ибо аннулировать уже произведенные следственные действия, официально запротоколированные в производстве, я не могу и самое „распоряжение“ [нахожу] нецелесообразным — настоящим заявляю, что указанному распоряжению я не подчиняюсь и продолжаю вести дело в области следствия вместе с т. Розмирович в тех формах, в каких оно было установлено с ведома и санкции Тройки первоначально. В противном случае работу прекращаю и прошу все дело передать другому лицу»⁵⁰.

Весьма показательно, что последнюю свою фразу об отправке переписки по этому вопросу «в ЦКК на распоряжение» Крыленко вычеркнул карандашом, не став переписывать письмо, показывая этим свою готовность затеять внутрипартийное разбирательство. Не менее любопытна и нейтральная резолюция Сталина («Читал. И. Сталин»), не вставшего на защиту двух своих товарищей по Политбюро, которые получили щелчок по своему самолюбию, и фактически узаконившего самовольное решение Крыленко.

Не добившись уступок со стороны Политбюро и «тройки» ни по ограничению рамок процесса 1918 г., ни по откладыванию начала процесса еще на два месяца, Крыленко взял курс на выведение из процесса всех тех эсеров, вину которых Верхтрибу доказать на суде было бы весьма сложно. В этом он был поддержан Коллегией Верхтриба, которая стала выводить по амнистии 1919 г. даже тех эсеров, которые по мнению ГПУ ей не подлежали, т. к. занимались активной партийной работой позже 1919 г. (о «фокусах амнистирования» см. ниже). Для «разгрузки» процесса от еще не расследованных, как следует, сюжетов Коллегией Верхтриба было произведено выделение ряда дел в особое производство по «контрреволюционной» деятельности эсеров в Сибири, на Севере, в Самаре и по Всеукраинскому комитету. В особое производство были выделены дела по девяти лицам: Б. В. Бабин-Корень (по делу Всеукраинско-

го комитета), Я. Т. Дедусенко (по делу о контрреволюции на Севере) (вскоре был амнистирован), П. Я. Дербер (по делу о контрреволюции в Сибири), Евменьев (по делу Всеукраинского комитета), Д. А. Иевлев (по делу Всеукраинского комитета), И. М. Майский (по делу о контрреволюции в Самаре), Ю. Н. Подбельский (по делу о контрреволюции в Тамбове), С. Т. Тагунов (по делу о контрреволюции в Сибири), И. С. Юдин (по делу о контрреволюции в Сибири)⁵¹.

В результате всех подвижек первоначальный список обвиняемых претерпел значительные изменения. Приводимые ниже данные почерпнуты из справок, составленных и подписанных в декабре 1934 г. начальником УСО ГУГБ НКВД Генкиным и ст. инспектором Кольчугиным. Согласно справкам к делу было привлечено 177 чел.⁵² Из списка, составленного в феврале 1922 г. Президиумом ГПУ, из 43 членов ЦК обвинение было предъявлено лишь 25 чел. и 80 из 140 «активных членов ПСР». Как и кем принимались решения, определявшие целесообразность «неучастия» в процессе каждого из 88 эсеров, — неизвестно. Всего в рамках предварительного следствия ГПУ и Верхтриба обвинение было предъявлено 177 чел., из которых 97 чел. накануне процесса не собирались привлекать к суду. Но, как известно, на скамье подсудимых оказалось лишь 34 чел. По состоянию на 1 апреля 1922 г. за 3-м отделением СО ГПУ числились только в московских тюрьмах 118 членов ПСР, еще 40 эсеров находились в ссылке под гласным надзором губернских отделов ГПУ. В отношении 12 чел. дело было прекращено в связи со смертью обвиняемых: Брудера, Ф. Е. Жидкова, Зеленкова, Карпова, Б. Н. Моисеенко, П. И. Рудакова, Д. П. Сургучева, Б. О. Флеккеля, Н. В. Фомина, Черняева, Циона, П. Б. Шаскольского⁵³.

подавляющее большинство обвиняемых (83 чел.) оказалось недоступно властям. Было выделено 42 дела в отношении следующих лиц, находившихся за границей: Абрамович, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, В. Г. Архангельского, Борисов, И. М. Брушвит, И. И. Фондаминский (Бунаков), М. В. Вишняк, Гатовский (Гнатовский?), Дан, В. М. Зензинов, Карташов, И. П. Кашин, П. Д. Климушкин, Коварский, Коновалов, В. И. Лебедев, князь Г. Е. Львов, Мазуренко, Ю. О. Мартов, Н. Н. Мартынов, Ф. Е. Махин, О. С. Минор, И. П. Нестеров, Пальчинский, графиня С. В. Панина, В. Н. Пепеляев, Пораделов, С. П. Постников, Б. Н. Рабинович, В. В. Руднев, Синани, Борис Соколов, М. Н. Суворов, М. А. Тисленко, Толстова, В. Ф. Томашевич, Филоненко, Хабулари, Н. В. Чайковский, В. М. Чернов, Г. И. Шрейдер⁵⁴.

Самое большое количество дел было выделено в связи с не розыском 51 обвиняемого: Ананчина-Гусева, Архипова, Бианки, М. А. Блюменталья, А. К. Болдырева, М. Г. Бочарникова, Н. В. Брюлловой-Шаскольской, Вакулина, Ветрова, С. Т. Гаврилова, И. И. Гвоздя, И. Я. Германа, Гинзбурга, Н. Н. Гладкова, Г. В. Глебова, Гонжумова, Гребенщикова, Донченко, М. Ф. Егорова, Э. П. Естрина, Зайцева, Л. Э. Зеймана, Зейме, И. Б. Зобова, Изотова, В. И. Калинина, Каховского, Королева, Красавина, Кузьмина, Мавринского, Мартынова, В. Д. Мерхалева, М. Никанорова, Новикова, Ф. М. Оникко, В. Е. Павлова, Полковникова, В. Н. Рихтера, В. И. Рудзиевского, Сергеева, Смиренина, Тягунова, Е. Ф. Тяпкина, Усенко, Б. К. Фортунатова, К. М. Хреновского, В. Б. Шкловского, Ю. Штальберга, Яковлева⁵⁵.

Вынужденные выделить в особое производство (или прекратить ввиду смерти обвиняемых) огромное количество дел, власть оказалась в странной ситуации. Видных эсеров в ее руках было немало, но сажать

на скамье подсудимых бывших членов ЦК ПСР Фейта, Ракитникова, Бу-ревого было неразумно. Как члены ЦК ПСР они несли ответственность за деятельность ПСР в 1917—1918 гг., но только не за террор и экспро-приации, за что, собственно, и можно было судить. Более того, с конца 1918—1919 гг. эти эсеры разошлись с руководством партии и заняли по отношению к властям более мягкую позицию, и судить именно их было бы со стороны большевиков политической тупостью. Самое любопытное, что из арестованных членов ЦК судить можно было, пожалуй, лишь Го-ца и Донского, уличенных (неважно, ложно или верно) показаниями бо-евиков в причастности к террору. В еще большей степени это относилось к рядовым (точнее, представителям среднего звена), которых, за редким исключением, судить было не за что. От них решили избавиться, посколь-ку для роли обвиняемых-«ренегатов», как и для роли обвиняемых-«не-примиримых», они не годились, кто из-за своей политической позиции, а кто из-за невозможности его в чем-то конкретном обвинить. Собствен-но поэтому в конце мая 1922 г. в два приема список обвиняемых первой группы сократили. В высшей степени любопытно, что критерием при принятии решения — оставить или амнистировать того или иного эсера в неочевидных случаях (на Гоца, Тимофеева, Донского и еще нескольких «непримиримых» — это не распространялось) — стал ответ на вопрос о политической опасности и готовности «морально разоружиться». В то же время было предъявлено обвинение многим новым лицам, чьи имена всплыли в ходе предварительного следствия. Парадокс ситуации при этом состоит в том, что устроители процесса были вынуждены предпочесть мен-ее политически значимые имена более значимым в угоду укрепления «законности» процесса.

Обвинение предъявили не только эсерам, но и нескольким видным меньшевиками, энесам и кадетам, явно преследуя политически и пропа-гандистски выгодную цель — связать всех воедино в их «службе» отече-ственной и мировой буржуазии. Ю. О. Мартов констатировал: «При таком широком захвате прокурорского невода немудрено, что в заключительной части обвинительного акта по делу эсэров неожиданно читается: „выде-лить, как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей“, дела в отношении целого ряда лиц, в чис-ле которых среди имен князя Львова, Коновалова, Карташева, Паниной, Филоненко неожиданно находим и имена „Дана, Мартова, Абрамовича“. Стало быть, и мы, грешные, оказываемся „в каком-то, хотя и не непо-средственном“ отношении к „яду кураре и к Антанте“. Да что мы. Те „че-стные эсэры из числа поступивших на службу в че-ка, которых на суде защищают Бухарин, Томский, Садуль, Феликс Кон и другие столь же „честные коммунисты“, уподобились, по-видимому, тому щедринскому гимназисту, который, попавшись на „революции“, оговорил сразу сто с лишком человек, в том числе родную тетушку. По крайней мере, в чис-ле оговоренных, но „выделенных“, оказались такие нынешние столпы коммунистического отечества, как гг. Майский и Мазуренко»⁵⁶.

О хаосе в организации процесса и формировании списка обвиняемых писал В. М. Чернову 20 мая 1922 г. и один из членов ЦК ПСР, оказав-шийся на скамье подсудимых: «Наш процесс все раздувается и раздува-ется. Правилен ли мой взгляд, но мне определенно кажется, что в нашем деле какое-то определенное выявление заинтересованных лиц. Когда мы были переведены в Особый отдел, то я был убежден, что у нас дело не дойдет до суда и некоторые обязательно будут ликвидированы более упрощенным способом. И думаю, что если это не случилось, то в этом

виновна как раз за граница, она поняла, в каком положении очутились наши товарищи, и вовремя подняла шум и в этом огромная Ваша заслуга. Теперь большевики определенно недовольны поднятой историей и, закусив удила, решили идти до конца. Брауде, следовательница ЧК по эсеровским делам открыто заявляет (Смирнову Н. Петровичу, народовцу, между прочим), что если почему-либо В. Трибунал кого-либо приговорит на небольшой срок или оправдает, все они будут переданы сейчас же в ГПУ (т. е. ЧК). **До сих пор нет ни обвинительного акта, до сих пор нам не объявлено точных формулировок, в чем нас обвиняют. Все дело состоит из 60-ти томов, не приведено в порядок еще и 10-й части. Борис Сергеевич Иванов по спискам не привлекается по нашему делу, но его допускают до просмотра материала и т. д. Хаос полнейший** (выделено нами. — *К. М.*)⁵⁷.

Ситуация, в которую попал член ЦК ПСР Б. С. Иванов, создает впечатление, что верхтрибовцы сами уже запутались в том, почему одних обвиняемых они выводят на процесс, а других нет. 29 мая 1922 г. Иванов, находившийся в это время в Лефортовской тюрьме, подал в Верховный революционный трибунал заявление следующего содержания: «24 февраля 1922 г. я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму ГПУ, причем мне было заявлено, что я наряду с другими членами партии соц.-рев. по истечении одного месяца буду предан суду. 22 апреля мне было предъявлено постановление Президиума ВЦИК о продлении содержания меня под стражей до окончания дознания по своему делу, в то время как ряд других членов ПСР, в том числе члены ЦК, получили извещения о предании их суду Верховного революционного трибунала.

Тогда же мною было подано заявление на имя Президиума ВЦИК с копиями в Верх. рев. трибунал и в Президиум ГПУ, в котором я, заявляя о своей солидарности с деятельностью ЦК, избранного на IV съезде ПСР, настаивал на предании меня суду наряду с членами данного состава ЦК, членом которого я состою с 1919 г. 10 мая с.г. я получил извещение о постановлении ГПУ передать мое дело в Верх. рев. трибунал, после чего 13 мая был переведен в Лефортовскую тюрьму, естественно предполагая, что меня присоединяют к моим сопроцессникам. Между тем 29 мая мне предложено следовать в Таганскую тюрьму. Настоящим я заявляю 1) что я настаиваю на том, чтобы мне было сообщено наконец, в каких отношениях я нахожусь к процессу членов ПСР, привлекаемых к суду, во главе с ЦК партии. <...> До получения исчерпывающего ответа на поставленные вопросы в письменной форме я отказываюсь выполнить предложение следовать в Таганскую тюрьму»⁵⁸.

Прочитав это заявление, верхтрибовцы подчеркнули карандашом вопрос Иванова о том, за каким учреждением он числится, и о мотивах отстранения его от процесса, а также его подпись как члена ЦК ПСР. Уже 31 мая Е. Розмирович отправила начальнику Лефортовской тюрьмы письмо, где просила объявить Б. С. Иванову, что «1) числится он за Верховным Трибуналом, 2) обвиняется в принадлежности к антисоветским партиям, каковое обвинение ему предъявлено ГПУ, 3) не привлечен он к основному процессу правых эсеров, т. к. следствие располагает данными о работе его на Украине, каковое дело выделено в особое производство»⁵⁹. Иванов был ознакомлен с документом в тот же день, о чем имеется его роспись на письме Розмирович.

Но главным каналом «разгрузки» от «неудобных» обвиняемых для Коллегии Верхтриба стало их амнистирование. Всего по амнистии 26 февраля 1919 г. были прекращены дела в отношении 30 чел.: Л. В. Бермана, В. К. Белецкого, С. А. Бессонова, Борисенко, К. С. Бурезового, А. И. Верховского,

В. К. Вольского, В. В. Гомбарга, Н. М. Городского, М. А. Давыдова, В. А. Давыдовой, Я. Т. Дедусенко, В. К. Дзеруль, А. Б. Ельяшевича, Б. Г. Закгейма, С. Н. Келлера, Ковалева, С. Е. Кононова, А. А. Краковецкого, В. А. Несмеянова, В. Н. Паевского, М. Я. Ракитина-Броуна, В. К. Рейснера, Д. С. Розенблума, Н. В. Святицкого, Н. Г. Снежко-Блоцкого, М. М. Соколова, Г. П. Сотникова, А. Ю. Фейта⁶⁰.

Амнистии началась менее чем за две недели до назначенного на 1 июня 1922 г. срока вручения обвиняемым и их защите обвинительного заключения. 18 мая 1922 г. зав. следственным производством Верхтриба Розмирович подписала постановление, согласно которому следствие по «преступным действиям» ряда подсудственных (Б. Г. Закгейм, Н. Г. Снежко-Блоцкий, Н. В. Святицкий, П. В. Злобин, Д. С. Розенблюм, А. И. Верховский, С. Е. Кононов, Я. Т. Дедусенко, В. А. Давыдова-Липская, С. Н. Келлер, В. И. Паевский, М. М. Соколов, П. В. Поспелов, Л. В. Берман, В. А. Несмеянов, А. Ю. Фейт, А. Б. Ельяшевич, В. К. Дзеруль и В. В. Гомбарг) может быть прекращено при согласии каждого из них подписаться под специальным текстом⁶¹.

Юридическая основа этого действия, хотя и весьма относительная, все же имела — декрет ВЦИК от 26 февраля 1919 г., принятый в ответ на решение эсеровской конференции о прекращении вооруженной борьбы с большевиками и продолжение ее против белогвардейских режимов. Декрет предоставлял право эсерам принимать участие в советской работе, и предписывал советским органам освобождать их из тюрем. Но специфика этой амнистии была в том, что она не являлась общей. Амнистировались в индивидуальном порядке только те эсеры, которые давали следующую подписку: «Я, член партии пр[авых] с[оциалистов]-р[еволюционеров], стоя на платформе резолюции партийной конференции от 8 февраля 1919 г., отвергнувшей всякие попытки вооруженной борьбы с советской властью, решительно высказавшейся против иностранного вмешательства и потребовавшей очищения территорий, занятых иностранными войсками, призвавшей партийные организации к свержению реакционных правительств в областях, находящихся во власти германских и союзных империалистов, и решительно отвергнувшей союз с буржуазными партиями, прекратившей борьбу на восточном фронте и призвавшей свой войска действовать против Колчака совместно с советской властью, даю настоящую подписку в том, что признаю эту резолюцию и отказываюсь от вооруженных и других противозаконных действий против советской власти»⁶².

Смысл всей этой довольно абсурдной процедуры (объявлять о признании решений собственной партии) заключался в последних десяти словах, где революционер письменно брал на себя обязательство отказаться от вооруженных действий против советской власти. Более того, маленький довесок — «и других противозаконных действий», фактически превращал любого «подписанта» из человека, согласного с решениями своей партийной конференции, в человека, грубо нарушавшего ее решения, ибо применение всех «других противозаконных действий» она санкционировала. Фактически эта подписка значила капитуляцию перед властями и уход из партии.

Документ, который был придуман Коллегией Верхтриба в мае 1922 г., также назывался — «подписка» и гласил: «Я, нижеподписавшийся, настоящим заявляю, что с момента принятия партией социалистов-революционеров (правых) на партийной конференции от 8 февраля 1919 г. резолюции о прекращении вооруженной борьбы с Советской властью

и опубликования Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом постановления об амнистии тем группам и отдельным лицам партии правых эсеров, которые разделяют решения и постановления указанной конференции и подписавшего соглашение с Советской Властью Комитета Членов Учредительного собрания — я, разделяя упомянутые постановления, действительно не принимал и не принимаю участие в какой-либо деятельности правых эс-эров или иных групп, направленной к подрыву или свержению Советской власти или поддержке прямо или косвенно внутренней или внешней контрреволюции. Постановление о том, что настоящей амнистией не покрывается деятельность, направленная на организацию убийств отдельных представителей Советской власти (террор) и подготовку или участие в вооруженных ограблениях (экспроприации) мне объявлено»⁶³. Подписка заверялась следователем Верхтриба и секретарем Следственного отдела Верхтриба при ВЦИК с приложением последним печати отдела. Смысл этой подписки, как и предыдущей, заключался в том, что давший ее, как стали говорить десятилетие спустя, «морально разоружался» и, навсегда закрывая себе дорогу назад к своим товарищам, фактически покупал себе свободу путем унижительной процедуры

Из намеченных для этого подследственных подписку дали все, кроме Злобина (отказался), Пospelова (по неясным причинам), Гомбарга (дело выделено из-за неявки «по независящим от него мотивам») ⁶⁴. Первым отказался от подписки Злобин, сделавший это не из идейных, а из моральных побуждений. Еще во время одного из своих арестов в 1921 г. он заявлял, что хотя давно отошел от активной работы и по складу своей натуры тяготеет к «культурнической» работе, но выходить из партии считает недопустимым с моральной точки зрения в столь тяжелое для нее время. На подписке Злобин 19 мая 1922 г. написал следующее: «Желая нести ответственность, возлагаемую не на отдельных лиц, а на Партию и ничего не имея против подтверждения своею подписью текста подписки, как соответствующего моим убеждениям и деятельности, предпочитаю предстать пред судом и получить не амнистию, а оправдание»⁶⁵.

Подписки Несмеянова, Фейта и Верховского были написаны ими собственноручно и в свободной форме ⁶⁶. И если ясно, почему Верховскому, который по его же словам «никогда в партии с.-р. не состоял», не дали типового текста подписки, рассчитанной на члена ПСР, то в двух других случаях можно лишь предположить, что Фейт, отошедший от партии в 1918 г., и Несмеянов, вышедший из ПСР в ноябре 1918 г. (позже стал членом МПСР), за решения конференции ПСР в феврале 1919 г. ответственности нести не могли (возможно, сыграло свою роль предположение, что Фейт сочтет унижительным давать формальную подписку).

Уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает «свое положение свидетеля» — «совершенно ненормальным», т. к. состоял членом ЦК ПСР и «работал в полной солидарности с ними, следовательно, несу и всю ответственность, моральную и юридическую, за работу Центрального Комитета за все время, пока я там был». Фейт, отметив, что в газетах появились сведения, что он купил себе это привилегированное положение свидетеля подпиской, заявил: «Если какая-нибудь подписка есть какое-то обязательство, которое берет на себя человек, то я утверждаю, что никакой подписки я не давал. Это сообщение не соответствует действительности»⁶⁷. Пятаков поспешил сгладить ситуацию, заявив: «Это не имеет никакого отношения. Вы попадаете под амнистию 1919 года, на основании которой судебная

коллегия 20 мая с.г. Вас амнистировала. Так что Ваше положение как свидетеля нормально и законно»⁶⁸. Тем не менее, Фейт был прав в обоих случаях. Во-первых, если судить не отдельных лиц, а деятельность ЦК ПСР в целом (а именно это и происходило на практике), то суду подлежали все его тогдашние члены, в т.ч. и Фейт, во-вторых, то, что написал Фейт, действительно нельзя считать подпиской. Подсудимые 1-й группы после этого заявления Фейта, а также когда во время его допроса на суде стало ясно, что он отказывается называть конкретные фамилии людей, пока их не назвали сами подсудимые, поняв, что он занял их сторону, стали обращаться к нему (задавая вопросы) — «товарищ Фейт». Подобное обращение ярко свидетельствовало, что отступником, давшим подписку, они Фейта не считают.

То, что хитроумный ход с Фейтом был не результатом небрежности следователя, а спланированной акцией по выводу из состава обвиняемых «лишних» людей, доказывают последующие события. 23 мая 1922 г. на заседании Судебной коллегии Верхтриба был определен список «привлекаемых по делу правых эсеров» из 39 человек. Кроме 34 чел., «выведенных» на процесс, этой участи первоначально планировали подвергнуть и еще пятерых — В. К. Белецкого, К. С. Бурового, В. К. Вольского, Н. И. Ракитникова и В. К. Рейснера⁶⁹. Любопытно, что Белецкий дал подписку еще 18 мая 1922 г., но оказался в списке. 27 мая 1922 г. Судебной коллегией Верхтриба было решено дела в отношении Вольского («как амнистированного в 1919 г.»)⁷⁰, Белецкого и Рейснера («для привлечения их по обвинению в соучастии в совершении вооруженных ограблений достаточно данных не имеется»)⁷¹, Ракитникова и Бурового «по амнистии производством прекратить, без отобрания установленной подписки»⁷². То, что Ракитникова и Бурового амнистировали без подписки, свидетельствует, конечно, не о доверии к ним, а опасении, что они от нее откажутся и тогда хода назад для выведения их из процесса уже не будет.

Спустя несколько дней у Белецкого, по его собственным словам, «пробудилось сознание» и 1 июня 1922 г. он обратился в Верховный трибунал с заявлением: «Будучи сначала привлечен в качестве обвиняемого по делу п.с.-р., я теперь переведен в разряд свидетелей по этому делу. <...> Неся партийные обязанности как член П. С-Р. и выполняя поручения партии, как в Саратовской организации, так главным образом в Петроградской в период времени в 1917—1918 годы я был самыми тесными узлами связан с партией и несу и по сей момент ответственность за свою работу и убеждения, и за деятельность партии с-р, в полной мере. Продолжая оставаться членом п.с.-р. и по сей день, я не хочу уклониться от суда, который будет происходить над моими товарищами и партией. Это говорит мне мое сознание, пробудившееся остро только теперь. На основании всего этого прошу, не принимая во внимание могущие возникнуть препятствия формального характера, привлечь меня как обвиняемого, чтобы я на скамье подсудимых мог защищать партию от обвинения в преступлениях против рабочего класса»⁷³.

Интересно, что Судебная коллегия хотела по амнистии вывести из процесса еще нескольких человек, но в связи с их отказом дать подписки этот план провалился. 27 мая 1922 г. от подписки отказался Агапов, написавший на ней следующее: «От дачи всяких подписок, унижающих достоинство и честь ПСР и ее членов — отказываюсь»⁷⁴. 30 мая 1922 г. то же самое проделал Берг: «От подписки подобных документов отказываюсь»⁷⁵.

В высшей степени примечательно, что амнистировать пытались даже тех лиц, против амнистии которых протестовало ГПУ. Так, начальник СО ГПУ Самсонов отправил в Верхтриб письмо, в котором сообщалось что Альтовский, Горьков-Добролюбов и Утгоф-Дерюжинский «в течение 1920 и 1921 гг. активно вели контрреволюционную работу, ввиду чего амнистия от 27 февраля 1919 г. применена к ним быть не может»⁷⁶. На основании этих документов зав. следственным производством по делу правых эсеров Розмирович 19 мая приняла постановление о непредъявлении им текста подписки и неприменении к ним амнистии⁷⁷. Тем не менее 27 мая 1922 г. всем троим такая подписка была предъявлена. Характерно, впрочем, что решения Судебной коллегии, как в других случаях, о предъявлении подписки Агапову, Бергу, Альтовскому, Горькову-Добролюбову и Утгоф-Дерюжинскому, в документах Верхтриба нет. Можно предположить, что Судебная коллегия хотела получить подписки для подстраховки от возможной критики ГПУ.

На своей подписке Горьков-Добролюбов написал: «От выдачи подобного рода подписки я отказываюсь»⁷⁸. Альтовский был еще лаконичнее: «Никаких подписок не даю»⁷⁹. Утгоф-Дерюжинский написал: «От выдачи подписки отказываюсь»⁸⁰. Еще ранее (20 мая 1922 г.) пятеро бывших эсеров, ставших членами РКП(б), Городской, Сотников, Ракитин-Броун, Безсонов и Борисенко были амнистированы — «без отобрания у них установленной подписки»⁸¹.

В целом ситуация сложилась парадоксальная — в то время как Судебная коллегия Верхтриба (очевидно, опасаясь провала обвинения на процессе) всячески сокращала список обвиняемых 1-й группы, ряд заключенных эсеров потребовал вывести их на процесс. 11 мая 1922 г. 12 содержащихся в Ярославской тюрьме эсеров (член ЦК ПСР М. С. Цетлин и члены ПСР — А. П. Гельфгот, А. В. Иваницкий-Василенко, В. П. Шестаков, Г. Николаев, Л. Невлер, Ю. Н. Подбельский, Н. Бауэр, С. Гнедов, Г. Билимо-Пастернаков, И. М. Семенов, Я. Штерин) отправили во ВЦИК и ГПУ заявление, в котором говорилось: «Мы решительно протестуем против нашего выделения из общего процесса и считаем, что в момент публичной и гласной встречи партии трудящихся с носителями враждебной народу диктатуры, наше место среди тех, кто сидит сейчас на „скамье подсудимых“ и на чью долю выпала высокая и заслуженная честь открыто защищать знамя революционного социализма против яростных нападений вырождающейся и скомпрометированной в глазах мирового пролетариата большевистской власти»⁸². Впрочем, когда 23 мая 1922 г. содержащийся в Таганской тюрьме Либеров направил в Верхтриб заявление, где писал: «Будучи вполне солидарен с деятельностью ЦК ПСР за время с 1917—1922 гг. и желая разделить ответственность с привлеченными по процессу 47, — требую включения меня в означенный процесс», он был в тот же день включен в список выводимых на процесс⁸³.

Еще более парадоксальная история произошла с членом ЦК ПСР в 1917—1918 гг. В. Н. Рихтером, которому, продержав его год в тюрьме и выпустив на свободу, одесские чекисты фактически дали возможность скрыться, имея на руках шифротелеграммы СО ГПУ о его аресте и присылке в Москву. 4 марта 1922 г. Нач СО ГПУ Самсонов отправил председателю Одесского губотдела ГПУ из Москвы телеграмму следующего содержания: «На Ваш от 21/II повторяется наша телеграмма № 22643 от 2/II. По сведениям видных правых эсеров Рихтер Владимир Николаевич находится Одессе кажется приват-доцент. Арестуйте

и препроводите СОУГПУ. 4/III — 22 г.». Расшифрована телеграмма была 8 марта 1922 г. И в этот же день Рихтер вместе с еще одним одесским эсером В. Н. Капланом был освобожден⁸⁴. И это несмотря на то, что за месяц до этого одесские чекисты характеризовали его следующим образом: «до 1917 г. находился за границей и в Петрограде, откуда в Одессу прибыл в конце июля 1917 г. и здесь был выставлен кандидатом в члены Учредительного собрания от Одесской организации П. С. Р. по Херсонской губернии, первым по списку. После разгона учредительного собрания вновь вернулся в Одессу и принял здесь самое активное деятельное участие в работе организации. Долгое время состоял председателем Одесского Комитета П. С. Р. как легального, так и нелегального, в 1919 г., 20 и 21 г. и по Ende своего ареста. Рихтер является теоретиком, духовным главою организации, особенно пользуется большими симпатиями среди учащейся молодежи, им был организован кружок по изучению народничества, из которого в последнее время образовалась студенческая организация. Даже и теперь, находясь в изоляторе, он руководит действиями Одесской организации П. С. Р. и большинство статей, напечатанных в их листовках, принадлежат ему»⁸⁵.

21 марта 1922 г. (обратим внимание на дату) председатель Одесского губотдела ГПУ докладывал в Москву и Харьков: «В ответ на Вашу телеграмму за № 2325/ш сообщаю, что нами был вызван гр. Рихтер для отправки в Москву в ГПУ и временно под честное слово был освобожден для подготовки к поездке. Гр. Рихтер, дав честное слово, скрылся и неизвестно куда, взяты заложники и приняты меры к его розыску. Второй лидер Одесской организации П. С. Р. Каплан Владимир Натанович высылается ближайшим поездом»⁸⁶.

Похоже, что, получив первую телеграмму из Москвы, одесские чекисты скрыли от Самсонова тот факт, что Рихтер сидит в тюрьме. Иначе зачем бы Самсонов повторял во второй телеграмме текст первой, где требовалось арестовать Рихтера? Почему же одесские чекисты, имея на руках приказ из Москвы об аресте и высылке Рихтера в столицу, тянули время (больше месяца), затеяв переписку с Самсоновым? Ведь они, без сомнения, уже прекрасно знали, что организуется процесс и, как минимум догадывались, что Рихтера там ждет. А скорее всего уже и прочитали брошюру Семенова, где говорилось о том, что Рихтер был назначен руководителем подготовки покушения на Ленина в начале 1918 г., правда, «не проявил никакой инициативы»⁸⁷. Как можно было отпускать с таким обвинением человека? Можно ли верить версии чекистов о том, что они отпустили Рихтера под честное слово? Можно ли поверить в то, что Рихтер, дав честное слово, нарушил его? Станным выглядит и то, с каким запозданием ответили из Одессы Москве об исчезновении Рихтера. Возможно, конечно, что две недели выжидали, надеясь на то, что удастся схватить Рихтера, и замять всю эту историю. Но, на наш взгляд, нельзя исключать того, что Рихтеру давали время на то, чтобы он подальше уехал и понадежнее устроился на нелегальном положении. В пользу этой версии говорит и свидетельство Каплана о том, что они с Рихтером сначала были отпущены из тюрьмы 8-го марта, а уже на свободе — 9-го им объявили о поездке в Москву. Ни о каком честном слове Каплан не упоминает. В сочетании с тем фактом, что в качестве заложника после «исчезновения» Рихтера была взята его жена, которую продержали в тюрьме всего несколько дней и благополучно отпустили, все это подкрепляет наше предположение о том, что Рихтеру просто предоставили возможность бежать.

Почему одесские чекисты поступили так, а не иначе, можно только гадать. В. Н. Рихтер же использовал предоставленную ему свободу не для спасения своей жизни, как поступили бы многие, а кинулся в самое пекло в качестве члена ЦБ ПСР. Если бы он, сменив имя, отошел от партийной работы и стал тихим обывателем с вымышленной судьбой (очень многих из обвинительного списка так и не нашли) или эмигрировал, то он сохранил бы себе жизнь. Но став членом ЦБ ПСР, заменившего ЦК, он, конечно же, был обречен. Давно было подмечено, что срок активной подпольной работы (особенно связанной с общением с разными людьми), как правило, составляет около полугода⁸⁸. У Рихтера этот срок был чуть больше — шесть с половиной месяцев, после чего он был арестован в Киеве и стал 13-м «смертником» процесса, год спустя после его завершения.

Но апофеозом небрежности и непрофессионализма стало выведение на процесс человека, который так и не открыл своего настоящего имени и на процессе проходил под той фамилией, под которой был арестован — Львова Михаила Ивановича. То, что это не было его настоящим именем, не было секретом ни для чекистов, ни для Следственного отдела Верховного трибунала ВЦИК, так как это было видно из материалов следствия. В 1997 г., когда Генеральная прокуратура РФ проводила рассмотрение его дела на предмет реабилитации, в «Заключении» прокурором отдела реабилитации жертв политических репрессий В. С. Гринько было констатировано: «Из материалов дела усматривается следующее: Львов М. И. арестован Саратовской губчека 20.10.1919 г. за изготовление и распространение листовок антисоветского содержания, в которых он призывал население страны принять участие в разрешении конфликтов между социал-демократической и партией власти (так в тексте. — К. М.).

По постановлению Президиума губчека от 27.03.1920 Львов был этапирован в Москву в распоряжение ВСК, где в то время расследовалось дело о контрреволюционной террористической деятельности партии социалистов-революционеров, к которой он принадлежал. Следствие продолжалось до августа 1922 г. и к моменту вынесения приговора Львов отбыл под стражей 2 г. 9 м. <...> Из дела видно, что фамилия Львов не была единственной для него. Однако по процессуальным документам он значится — Львов Михаил Иванович»⁸⁹.

Лишь в 1925 г. чекистам удалось выяснить его настоящую фамилию. Обстоятельства этого были изложены в письме начальника СО ГПУ Дерibasа от 28 октября 1925 г. на имя секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова, в котором говорилось: «По распоряжению тов. Менжинского сообщая для сведения, что 23/Х — 25 г. в Москве в квартире коммуниста Романовского Диодора Ивановича, работающего в Сельскохозяйственном союзе, арестован бежавший в июне с.г. в Чердыни судившийся по процессу ЦК ПСР Львов Михаил Иванович, оказавшийся бывшим членом Казанской организации ПСР и председателем Казанского Совета Рабочих и Солдатских депутатов в 17 г. Галановым Прохором Саввичем. Романовский, хотя и видел Львова дважды, но ни разу нам об этом не донес, а на допросе сообщил, что он знал его только как Галанова и не знал, что он был осужден по процессу ЦК ПСР, как Львов»⁹⁰.

Таким образом, более 80 лет спустя после процесса мы узнали настоящее имя человека, которого до этого знали как М. И. Львова — Прохор Саввич Галанов (чтобы не порождать путаницы, далее в книге он упоминается под той фамилией, под которой он вошел в историю).

§ 4. РОЛЬ «ОТКРОВЕННЫХ» И «ПОЛУОТКРОВЕННЫХ» ПОКАЗАНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ В СОЗДАНИИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА И КОРПУСА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ. ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

Анализ материалов предварительного следствия, проведенного следователями ГПУ в крайне сжатые сроки (2 марта — 21 апреля 1922 г.), оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, все указывает на то, что в отличие от многих последующих процессов 1920-х и особенно 1930-х гг., когда «преступления» придумывались в партийных и чекистских кабинетах, а сами обвиняемые либо под пытками сознавались в них, либо в попытках вымолить себе лучшую долю становились соавторами следователей, переплетая ложные и истинные факты, следствие по делу «правых эсеров» в целом выглядело иначе. Вопрос об «искусственности» обвинительного материала сложен и неоднозначен. Большинство фактов, которые вменялись в вину эсерам, были не вымышленными, а просто крайне тенденциозно интерпретированными. Вместе с тем некоторые из них, представлявшие собой «изюминку» большевистского обвинения, по-видимому, были не просто тенденциозно изложены, но и прямо сфальсифицированы.

В ряде случаев реальные факты так переплетались с фальсификацией, что разделить их сегодня крайне сложно. Так, например, существование боевой группы Семенова и совершенные ею покушения и экспроприации — реальный факт, а вот утверждение самого Семенова, а затем и большевиков, что эта группа действовала по приказу и под контролем ЦК ПСР, — фальсификация (впрочем, похоже, можно обсуждать и версию о том, что один или два члена ЦК действовали, как авантюристы, за спиной ЦК ПСР, и версию о существовании БО, но без террористических функций (см. показания Н. Н. Иванова), и версию о санкции, данной Д. Д. Донским Ф. Каплан на покушение на В. И. Ленина в индивидуальном, а не партийном порядке).

Много тенденциозности и, вероятно, прямых фальсификаций внесено в освещение вопросов о связях с союзниками и об их финансовой помощи. По крайней мере, член ЦК ПСР Е. М. Тимофеев на заседании Трибунала 29 июня 1922 г. признал сам факт своей встречи с социалистами Дюма и Эрлишем, которые прибыли в Россию по поручению своей партии. Эсеры пошли на эти встречи, чтобы дать западным социалистам точное представление о позиции ПСР в происходящих событиях. Дюма и Эрлишу были переданы некоторые воззвания ЦК ПСР с просьбой довести их до сведения трудящихся Запада. Какое положение Дюма и Эрлиш занимали во французской миссии, Тимофеев, по его словам, не интересовался и не знал.

Факты неточностей, подтасовок и прямой лжи со стороны многих свидетелей обвинения и обвиняемых 2-й группы (все они прошли через предварительное следствие ГПУ и Верхтриба), вскрывшихся на процессе благодаря вопросам обвиняемых 1-й группы и их защиты, позволяют говорить о том, что фальсификация и тенденциозность на следствии или своего рода «программирование» ряда свидетелей и обвиняемых (покупавших себе свободу), применялись все-таки достаточно широко.

Мы еще будем говорить о той роли, которую сыграли в создании обвинительного материала Коноплева, Семенов и Григорий Ратнер. (Представление о том, какую важную роль играли «уточняющие» показания Се-

менова и Коноплевой для предварительного следствия ГПУ, дает даже их количество. Никто не допрашивался так часто, как они. Действительно, Семенов был допрошен следователем ГПУ Аграновым 10 раз в марте (1, 6, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 22 марта) и 4 раза в апреле (3, 6, 13 и 17 апреля), и 5 раз в Следственном отделе Верхтриба. Коноплева была допрошена Аграновым 7 раз в марте (24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 марта) и 5 раз в апреле (4, и по два раза 5-го и 6-го апреля), а также 2 раза в СО Верхтриба. Несомненно, Семенов и Коноплева, отчасти даже помимо своей воли и желания, стали «антигероями» этого процесса даже в глазах части коммунистов, все еще не сумевших отрешиться от старых «предрассудков» — понятий о революционной чести.).

Но были и другие «идейные» разоблачители, как, скажем, довольно видный эсер А. Краковецкий, вернувшийся из эмиграции и вступивший в РКП(б). На допросе 8 апреля 1922 г. он так объяснял Агранову мотивы своего ренегатства: «Уже в начале 1920 г. я чувствовал себя вне партии, давая себе ясный отчет в неспособности партии занять правильную позицию в отношении Советской Власти. Во время своего пребывания в Чехии, где я виделся и много говорил с видными лидерами эсеров ЧЕРНОВЫМ, ЗЕНЗИНОВЫМ, МИНОРОМ, ЛАЗАРЕВЫМ и др., я окончательно убедился в преступности их работы за границей в отношении революции в России. В моих глазах развертывалась соглашательская политика АВКСЕНТЬЕВА, РОГОВСКОГО и др. членов партийной группы с кадетами, я читал в «Воле России» постоянные призывы к повстанческой борьбе с Советской Властью, я присутствовал на митингах, на которых в угоду черносотенных аудиторий, состоявших из врангелевских офицеров, поносилась Советская Россия, наконец, я знаю, какую позорную роль играли в Чехии г.г. ЛЕБЕДЕВЫ, БРУШВИТЫ, обрабатывая руководителей чешского правительства и удерживая их от заключения торговых договоров с Советской Россией.

Перенеся центр тяжести работы за границу, эсеры в течение последних лет вели кампанию против признания Советской власти и против какой бы то ни было помощи России через посредство советского Правительства. Таким образом значительная доля бедствий, переживаемых Россией, русскими крестьянами и рабочими, лежит на совести эсеровской партии.

Суд над нею властью диктуется велениями революционной совести и исторической справедливостью перед трудящимися России, вынесшими на своих плечах кровавую борьбу с реакцией, интервенцией, голодом и хозяйственной разрухой. За все то партия эсеров должна нести политическую ответственность перед лицом рабоче-крестьянского класса страны»⁹¹.

Но в своих «откровенных показаниях» «идейные» ренегаты были не одиноки — немало и рядовых эсеров, особенно из числа боевиков, купили себе свободу ценой предательства. После ареста в начале марта 1922 г. они были свезены в Москву. Попытки Гоца убедить их придерживаться согласованной линии и не давать «откровений» успеха не возымели. Так, допрошенный Аграновым 4 марта Ф. Ф. Федоров-Козлов опроверг лишь один факт из показаний Семенова, дававшего в это же день показания «об участии Федорова-Козлова в террористической работе партии с.-р.», — о времени своего вступления в боевую дружину Невско-Заставского района Петроградской организации ПСР (не конец 1917 г., а начало 1918 г.), но признал все остальное: участие по поручению Семенова в слежке за Володарским, факт убийства Володарского членом их боевой

группы Сергеевым, участие в качестве члена Центрального летучего боевого отряда ПСР в двух экспроприациях, а также в слежке (вместе с Ф. Каплан и Л. Коноплевой) за Лениным. Признал он и то, что вместе с Коноплевой и Каплан входил в число исполнителей теракта на Ленина и в день покушения был дежурным в одном из районов, где должен был сам узнать, «на каком митинге выступает Ленин и явиться туда для совершения покушения». Интерес представляет заявление Федорова-Козлова, что пули, предназначавшиеся для Ленина, были отравлены Семеновым⁹², о чем тот умолчал и в своей брошюре, и на допросе 4 марта 1922 г. (этот факт позже подтвердили и другие боевики).

Любопытно, что некоторые бывшие эсеры обставляли свою роль разоблачителей бывших соратников различными условиями, настоять на которых им, впрочем, как правило, не удавалось. Так, И. С. Дашевский в заявлении на имя Агранова от 9 марта 1922 г. писал, что не считает нужным «скрывать что-либо из своей прежней деятельности», полагая при этом невозможным для себя «по соображениям революционной этики и личной морали делать какие-либо персональные указания» на тех лиц, с которыми он сталкивался в процессе своей предыдущей партийной работы⁹³. Однако уже 11 марта он изменил свою позицию, сославшись на отрицание Черновым в заграничной прессе правдивости разоблачений Семенова и Коноплевой (по его мнению, это являлось нарушением Черновым и другими видными эсерами «элементарных требований революционной и просто человеческой морали по отношению к рядовым бойцам, действовавшим по их директивам»), и заявил, что будет «делать персональные указания в тех случаях, где это будет безусловно необходимо для точного установления наиболее важных фактов и событий», но воздержится «от подобных указаний в отношении многочисленных рядовых деятелей партии»⁹⁴.

Интересна мотивация тех боевиков, которые, будучи арестованы сразу же после выхода в свет брошюры Семенова, оказались перед выбором: либо дать «откровенные» показания и тем самым обеспечить себе минимальное наказание, либо быть зачисленными в группу «нераскаявшихся», которым грозила смертная казнь. Вынужденное ренегатство части боевиков делало их объяснения путанными. Например, упоминавшийся выше рабочий-боевик Федоров-Козлов на допросе 4 марта 1918 г. говорил: «С 1918 года (с конца этого года) я никакого участия в работе партии с.-р. не принимал, т. к. глубоко разочаровался в тактике и методах борьбы этой партии. Заявляю, что если бы я знал в 1918 году о сношениях ЦК партии с.-р. с французской военной миссией и монархическими организациями, я не согласился бы на участие в тех делах, в которых участие принимал: у меня тогда и в начале 1918 года были большие колебания, допустимы ли террористические методы борьбы с Советской властью, т. к. это все-таки рабочая власть, хотя я не стоял на платформе этой власти»⁹⁵. «Я стою, — продолжал Федоров-Козлов, — как рабочий-крестьянин на защите интересов рабочего класса и крестьянства, но признание нашей партией социалистов-революционеров методов убийства советских вождей и экспроприаций считаю глубоко ошибочным [и] гибельным для революции и поэтому совершенно недопустимым. Задачей рабочих в настоящее время является не борьба с Советской властью, а общая работа по восстановлению разрушенного хозяйства»⁹⁶.

Другой боевик, П. Н. Пелевин, член ПСР с 1905 г., будучи матросом восставшего крейсера «Память Азова», был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги, с которой он вышел весной 1917 г.

Дав на допросе 7 марта 1922 г. «откровенные» показания, Пелевин в конце допроса заявлял: «С 1919 года у меня начался перелом, идейной и активной работы я не нес, хотя из партии я не вышел»⁹⁷.

П. Г. Ефимов, бывший студент Петербургского технологического института, состоял в партии с 1904 г., в 1906 г. за участие в Кронштадтском восстании был арестован и приговорен к восьми годам каторги, с которой вышел на поселение в 1913 г. После октября 1917 г. и до своего ареста 27 февраля 1922 г. в Петрограде Ефимов арестовывался дважды — 2 ноября 1920 г. (за принадлежность к ПСР) и 13 июля 1921 г. (агитация против Советской власти), но оба раза был освобожден (во втором случае за недоказанностью обвинений)⁹⁸. Допрошенный Петроградской губчека 4 марта 1922 г., Ефимов признал свою работу в Военной организации, но ни словом не обмолвился ни о своем знакомстве с Коноплевой, ни об их совместной поездке ранней весной 1918 г. в Москву для организации террористического акта на Ленина⁹⁹. Дав 11 марта «откровенные» показания Агранову, Ефимов не указал никаких мотивов изменения своих прежних показаний на следствии¹⁰⁰.

С. Е. Кононов был арестован 4 марта 1922 г. и уже 6 марта допрошен в Петроградской губчека, где дал краткие показания о деятельности питерских боевых дружин зимой — весной 1918 г.¹⁰¹ Сравнительный анализ «петроградского» и «московского» (14 марта 1922 г.), проведенного уже Аграновым, допросов, показывает существенную разницу. И хотя определенных выводов сделать нельзя, обращают на себя не только серьезные стилистические несовпадения первого (собственноручного) и второго (записанного Аграновым), но и смысловая разница обоих допросов. Так, во время своего первого допроса в Петрограде Кононов отметил: «Я в одно время сказал, мы дружину создаем не для террора, а для передовой единицы, что ты будешь делать, если нужен будет террор, меня спросили. Я ответил. Я не буду руководителем. Помню такой случай. Я и Каплан клеймили тех, кто стреляли в руководителей Советской власти, и пришли к тому, что это стрельба черносотенцев и кто стрелял, для меня было неизвестно»¹⁰². А уже 14 марта он заявил: «Из бесед с членами Военной комиссии и членами ЦК партии я знал, что боевая дружина будет заниматься старым делом, которым боевые дружины занимались во времена царизма — а именно террористическими актами. За несколько дней до отъезда Советского правительства из Петрограда в Москву (может быть, это было дня за 2) я, заходя в помещение „За народ“, где помещалось ЦК, ПК и Военная комиссия, я сказал кому-то из членов Военной комиссии, кажется, Лепперу (при этом было еще 2—3 человека), что хорошо было бы не выпустить из Петрограда Советское правительство путем повреждения или взрыва железной дороги. Леппер ответил мне следующее: „Это мы сами знаем“.

Прапорщика Тягунова С. Р. (вероятно С. Р. это с.-р. — *К. М.*), бывшего весьма правым, я встречал в квартирах нашей военной организации. Однажды, когда я встретил его весной 1918 года на Николаевской улице в Питере недалеко от его квартиры, он пригласил меня к себе на квартиру, где находились еще несколько человек. Тягунов тогда рассказал о том, что ими произведено в январе месяце покушение на Ленина, при проезде последнего на машине. По автомобилю Ленина был сделан выстрел из винтовки. Выстрел был сделан в шины автомобиля с целью остановить автомобиль и сделать покушение на убийство Ленина. Сообщение Тягунова произвело на меня неприятное впечатление, так как я считал, что подобный поступок мог быть совершен белогвардейцами

и монархистами. Тягунов мне сказал, что это покушение совершено военной организацией партии с.-р. Тягунов мне даже называл имена участников покушения, которые в момент покушения были на улице в виде патруля. Имена этих участников я сейчас припомнить не могу.. Я в те дни был чем[-]то сильно занят и поэтому никому, насколько помню, об этом разговоре не сказал»¹⁰³.

Возможно, эти расхождения в показаниях Кононова есть результат лжи на первом допросе, а возможно и результат давления Агранова. По крайней мере, очень странно выглядит заявление Кононова об умолчании своего разговора с Тягуновым по причине «сильной занятости» и неспособность назвать ни единой фамилии участников разговора на квартире Тягунова, о котором только и известно, что он был «высокого роста, тонкий».

Обращает на себя внимание и один из эпизодов допросов Ефимова. В показаниях Агранову от 11 марта 1922 г. Ефимов заявил: «В террористических актах на Володарского и Ленина я участия не принимал, так же, как не принимал участия в убийстве Урицкого, но я знал, что убийство Володарского и покушение на Ленина были совершены боевым отрядом. От кого я это узнал конкретно, сейчас припомнить не могу»¹⁰⁴. Допрошенный 6 мая 1922 г. в Следственном отделе Верхтриба ВЦИК Ефимов вдруг припомнил, что «в марте 1922 года, будучи арестован в Петрограде и препровождаемый в Москву в ГПУ, я имел разговор с Усовым, который ехал со мной и еще с пятью товарищами, и тогда Усов сказал, что убийство Володарского совершено боевым отрядом, о действиях которого знал ЦК»¹⁰⁵. Поверить в то, что 11 марта 1922 г. Ефимов на допросе у Агранова забыл о только что состоявшемся разговоре, невозможно. О причинах его лжи можно только гадать. Быть может, он не хотел называть имени Усова из этических соображений. Но возможно, это умолчание было оговорено с Аграновым, чтобы не снижать ценность признания Ефимова как самостоятельного источника сведений о причастности эсеров к покушениям на Володарского и Ленина, ссылкой на ренегата К. А. Усова. Кроме того, вызывает удивление признание Ефимова в том, что он испытывал «сомнение по вопросу об искренности» заявления ЦК ПСР о причастности к убийству Володарского, но «ни с кем об этом не говорил»¹⁰⁶. Зная нравы и нормы поведения, принятые в эсеровской среде, это «умолчание» говорит вовсе не в пользу Ефимова.

Весьма любопытны логика и аргументы Усова, высказанные Рейснеру (переданные последним следователям): «отправляясь на одну из экспроприаций, он зашел к Белецкому, сообщил ему о предстоящем действии и оставил ему, Белецкому, свой партбилет, говоря, что если он, Усов, провалится, то билет не должен быть у него найден. Этим фактом Усов иллюстрирует то обстоятельство, что Белецкий был осведомлен о боевой и террористической деятельности ЦБО, об экспроприациях и знал, что все это делается с санкции ЦК ПСР»¹⁰⁷. По заявлению Усова (если верить в его правдивость), сделанному им в тюрьме при свидании с Рейснером, Гоц проводил «среди арестованных эсеров линию, чтобы они отказались на суде от своих показаний и заявили, что на все действия, совершенные боевиками, никакой санкции ЦК не давалось и что все эти акты проводились боевиками самостоятельно»¹⁰⁸.

В целом можно констатировать, что на предварительном следствии имела место фальсификация. На процессе это выявилось достаточно четко. Например, Н. Г. Снежко-Блоцкий на одном из заседаний дал показания, не совпавшие с его показаниями на допросе предварительного след-

ствия. По словам свидетеля, его допрашивали с часа ночи до шести часов утра, и он, будучи болен и разбит, не имел сил вступить в пререкания со следователем по поводу неправильной записи своих показаний. Заслуживает внимания также определение, вынесенное Верхтрибом 21 июня 1922 г. В нем обращалось внимание на «явную неправильность в деле допроса свидетеля Верховского следователем Аграновым». Последний от имени коллегии ГПУ и ЦК РКП(б) заявил Верховскому, что показания отбираются в целях исторического выяснения роли ПСР, а не привлечения эсеров к ответственности. После этого заявления Верховского на суде ГПУ и ЦК РКП(б) прислали в Верхтриб письма с опровержением возможности такой ссылки, т. к. подобного решения ни те, ни другие не выносили. Впрочем, определение вынесли не только в отношении Агранова, но и в отношении бывшего генерала Верховского, считавшего «своим правом давать или не давать соответственным органам Рабоче-Крестьянской Республики сведения о ее врагах». Позицию Верховского Верхтриб посчитал совершенно нетерпимой — генерал «является активным и ответственным работником Красной Армии и, следовательно, Трудовая Республика вправе требовать от него наивысшего проявления бдительности и непримиримости по отношению ко всем врагам Рабоче-Крестьянской России». Как отмечает М. Янсен, Дзержинский написал Агранову письмо, в котором советовал не обращать внимания на этот выговор Верхтриба.

Вышеприведенные примеры — лишь часть фальсификаций, лишь те, которые можно увидеть даже в материалах следствия, как правило, — это измененные на дополнительных допросах первоначальные показания. Безусловно, этот способ возможных фальсификаций есть самая грубая, непрофессиональная работа следователей. Менее же заметные, но весьма серьезные огрехи следствия и масса фальсификаций вскрылись уже на процессе. Масштабы их поражают: на протяжении процесса подсудимых второй группы и свидетелей обвинения уличали во лжи и неточностях десятки раз. Только после всех этих многочисленных разоблачений и уличений становится ясно, в какой страшной спешке и до чего бездарно было проведено следствие, до чего грубо подтасовывались многие факты.

Конечно, это не осталось незамеченным. Характерен эпизод с допросом 16 июня 1922 г. Усова, когда Гендельман прямо связывал дачу им показаний с появлением брошюры Семенова. Более того, Гендельман говорил о фальсификации процесса и пытался на примере показаний Усова это проследить. Состоялся интересный диалог, прерванный председателем суда Пятаковым, запретившим Усову отвечать, а Гендельману — задавать подобные вопросы. Но сделал он это настолько неловко, что за Усова вступился его защитник-коммунист, и Пятакову пришлось оправдываться, причем его оправдания были весьма неубедительны. И хотя Крыленко поспешил ему на помощь, ситуацию это не спасло.

Не прибавляли веса обвинению и те «ляпы», которые делали свидетели. Показателен случай со свидетелем обвинения В. И. Паевским, превратившимся во время опроса его подсудимым 1-й группы Лихачем в посмешище. Паевский утверждал, что принимал участие в демонстрации в день открытия Учредительного собрания, которая подошла к Таврическому дворцу. Лихач же весьма ехидно стал объяснять, что в тот день пройти к Таврическому дворцу можно было лишь по специальным пропускам, и в результате Паевский заявил, что видел Таврический дворец из-за забора, что, естественно, вызвало смех в зале.

Подобных примеров можно привести еще множество. И надо сказать, что лжесвидетельствовали не только уличенные в террористической и экспроприаторской деятельности боевики (чтобы облегчить свою участь). 3 августа 1922 г. Я. Герштейн писал жене: «Алексеева показала о покушении... на Берзина. Вот, что называется, из пальца высосала. В полной уверенности, что он опровергнет эту чушь, я предложил запросить Берзина, но к моему изумлению, он письменно сообщил, будто в июле — августе на него было правым с-р. организовано покушение об этом де знает какой-то музыкант А. Вот так пишется история, и я попал в великие террористы. Впрочем из газет узнаешь подробности. Но у Крыленко постановка такова. Был в Перми гр. — был, был там Симонов, последний знаком с Алекс. — значит дело все готово»¹⁰⁹.

Представляется, что только после этого процесса для большевистских и чекистских верхов стала очевидна их ошибка — нельзя было готовить сложнейший и огромнейший по объемам следственного материала процесс за полтора месяца и силами фактически одного Агранова (почти все допросы проводил он). Самый же главный урок относительно свидетельских показаний, который власти вынесли из этого процесса, — все они должны быть тщательно подготовлены, а при наличии в них фальсификаций и передержек у обвиняемых не должно быть возможности их опровергнуть в ходе судебного заседания, да еще и в присутствии публики, пусть и тщательно подобранной.

§ 5. БРАТ ПРОТИВ СЕСТРЫ: Г. М. РАТНЕР И ЕГО РОЛЬ НА СЛЕДСТВИИ. МЕХАНИЗМ И ПРЕДЕЛЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ЕГО ПОКАЗАНИЯХ

Трюизм о том, что гражданская война расколола не только друзей, но даже и родственников, родился не на пустом месте. Процесс 1922 г. дал не только примеры того, как приятели и друзья оказались по разные стороны баррикад, но и уникальный случай противостояния родных брата и сестры. С одной стороны, на скамье подсудимых оказалась член ЦК ПСР Евгения Ратнер, которой с самого начала процесса грозил смертный приговор (и она его получила), с другой — Григорий Ратнер, ее младший брат, добровольно вызвавшийся для участия в процессе и обесмертивший себя словами, что для блага революции можно и должно и сестру отправить на эшафот. Не лишним будет добавить, что их брат Александр, тоже эсер, погиб 5 января 1918 г. в Москве во время расстрела демонстрации в защиту Учредительного собрания (более известен расстрел демонстрации в Петрограде, но был и московский).

Григорий Ратнер, хоть и был моложе сестры на 9 лет (он родился в 1895 г.), сумел сделать в эсеровской партии блестящую карьеру, став с конца 1917 г. секретарем Московского комитета ПСР. В 1918—1919 гг. он, как и часть эсеров, переживает эволюцию в сторону большевизма и в октябре 1919 г. вступает добровольцем в Красную Армию (а позже становится и членом РКП(б)). В октябре 1919 г., когда Деникин шел на Москву, эсеровская группа «Народ» (позже МПСР) объявила о мобилизации своих членов в РККА для защиты от белогвардейцев, прямо нарушая директивы партийных Советов и решений ЦК ПСР. Г. М. Ратнер, имея которого оказалось в списках мобилизованных, написал в ЦК ПСР два письма, которые характеризуют его психологию и рисуют его идейную

эволюцию. 29 октября 1919 г.: «Находясь в Бутырской тюрьме я узнал из газет, что я мобилизован постановлением группы „Народ“. Во избежание недоразумений считаю нужным довести до сведения ЦК следующее:

1. Членом группы „Народ“ не состоял и не состою.

2. Мобилизация произведена без моего ведома и согласия.

3. Объяснение произошедшему недоразумению нахожу в фактах моего сотрудничества в газете „Народ“ и принципиальной солидаризацией — в общем и целом — с идейной позицией группы „Народ“. Мой отказ войти в состав группы „Народ“ определялся отрицательным отношением к методам внутрипартийной политики группы и к ее отдельным публичным выступлениям.

4. Не считая возможным публично дискредитировать акт мобилизации, я считаю себя вынужденным принять на себя все практические последствия мобилизации и принимаю назначение политуправления РВСР в Тульский укрепленный район, где буду стремиться поступить рядовым в ряды войск»¹¹⁰.

Двойственность, недосказанность и нелогичность подобного поступка очевидны: Г. М. Ратнер, конечно же, знал, что ЦК ПСР всех пошедших в Красную Армию исключит из партии, но он принимает на себя решение фракционной группы, членом которой не является и идет против партийного большинства, не говоря об этом прямо.

Второе письмо им было написано на следующий день, очевидно, после указания о неизбежном исключении из ПСР: «<...>Если до сих пор политическая обстановка позволяла мне ограничивать свою работу борьбой за свои взгляды внутри партии, строго подчиняясь партийной дисциплине и принимая на себя всю моральную и политическую ответственность за действия официальных органов партии, то сейчас положение изменилось; момент требует от каждого революционера открытых и решительных действий. <...>Поскольку свобода действий несовместима с подчинением партийной дисциплине, я вынужден поставить себя вне действий последней. Поскольку нести какую бы то ни было ответственность за действия ЦК я не считаю для себя возможным, как и не считаю возможным и на ЦК возлагать ответственность за мои действия — я полагаю, что долг перед революцией, так же, как и долг перед партией, обязывает меня к тяжелому шагу — к выходу из партии, с которой я тесно связан со школьной скамьи.

Оставляя за собой право отстаивать свои взгляды на предстоящем съезде, совете или конференции партии, я глубоко убежден, что устранение мое из рядов партии не только временно, но и кратковременно, что ближайший же съезд превратит теперешнее меньшинство в большинство и твердо установит позицию партии с.-р. — позиции революционного социализма»¹¹¹.

Но надежды Г. М. Ратнера не оправдались, да и сам он вскоре пошел искать счастья в другой партии — в РКП(б). Особо подчеркнем, что Г. М. Ратнер всегда демонстративно подчеркивал, что в нее он пришел не за карьерой — в Красной Армии он служил рядовым, а в 1922 г. работал простым рабочим на заводе.

4 марта 1922 г. было принято очередное постановление Политбюро ЦК РКП(б), гласившее: «Указать т. Уншлихту, что в число обвиняемых могут быть включены все эсэры, а равно и те бывшие эсеры, хотя бы даже они ныне состояли в РКП, привлечение которых окажется необходимым в связи с процессом п.с.р.»¹¹² И Г. Ратнер был востребован и сыграл и во время предварительного следствия и на самом процессе весьма

заметную роль, фактически возглавив 2-ю группу подсудимых. Причем на процесс он был выведен по собственной просьбе (и это несмотря на то, что ему ничего не инкриминировалось), а в конце процесса он был оправдан. Протоколы его допросов, на наш взгляд, дают ценнейший материал для понимания механизмов и способов фальсификации показаний о деятельности эсеров на стадии предварительного следствия. Сравнительный анализ протоколов первого (достаточно обширного) допроса от 11 марта 1922 г. и дополнительных трех допросов от 13 марта, от 18 марта (протоколы в следственных материалах отсутствуют), 21 и 22 марта, двух протоколов от 2 апреля и от 6 апреля показывает, что расплывчатые показания на первом допросе были дополнены на последующих такой конкретикой, которая в ряде случаев прямо противоречила содержанию допроса от 11 марта 1922 г.¹¹³ С большой уверенностью можно говорить о фальсификационном характере «дополнительных» показаний, которыми следствие и суд пытались подкрепить заявление Семенова и Коноплевой, что их боевая группа действовала с санкции и под контролем ЦК ПСР, в то время как члены ЦК считали и саму эту группу и ее действия полной самодеятельностью Семенова, убеждавшего рядовых боевиков в том, что их группа официально контролируется ЦК ПСР.

На самом первом своем допросе 11 марта 1922 г. Г. Ратнер заявлял: «Московский комитет ПСР в тот период отрицал боевую работу и вооруженную борьбу с Советской властью и устремил всю свою энергию на завоевание политического влияния среди Московского пролетариата и гарнизона. О применяемом партией терроре могу указать только на один факт. Во время убийства Володарского я находился в Бутырской тюрьме по делу Рабочей конференции и об убийстве узнал из газет. Сидевшие в тюрьме, наиболее ответственные работники, узнали от родных на свидании в чрезвычайно конфиденциальной и неопределенной форме, что убийство Володарского связано с партией. Лично мне на свидании член ЦК Евгения Ратнер, на вопрос мой об участии партии в убийстве Володарского, ответила кратко: „наши“. Только по выходе из тюрьмы я узнал определенно от Артемьева, что ЦК дал предварительную санкцию на убийство Володарского. О своей личной позиции должен указать, что, относясь до убийства Володарского к террору резко отрицательно, после самого факта убийства, отчасти под влиянием старых товарищей по партии, авторитет которых для меня стоял исключительно высоко, отчасти ввиду моего резко отрицательного отношения к личности Володарского, я на разрыв с партией, на основании одного этого факта не решился»¹¹⁴.

На этом же допросе он утверждал, что знал только об одном факте экспроприации, о котором ему после VIII Совета партии (май 1918 г.) сообщила Евгения Ратнер, рассказав «об усилении партийной кассы, в связи с удачной операцией боевой группы, проведенной где-то в Костромской губ. в размере 1-го миллиона». Далее он заявлял: «Никаких иных данных о произведенных ПСР экспроприациях я не имею. Для меня лично вопрос об экспроприациях стоял исключительно в такой плоскости: поскольку никаких иных источников средств партия не имеет и принуждена выбирать между денежной помощью со стороны союзников и экспроприациями, я категорически отвергая какую бы то ни было связь с союзниками, примирялся с экспроприациями, тем более, что по словам всех без исключения членов правительства, от которых я имел отзывы о работе боевой группы, произведшей экспроприацию, моральная чистота и революционная честность этой группы были абсолютно

безупречны»¹¹⁵. «По вопросу о покушении на Ленина, — говорил Ратнер на допросе 11 марта, — как это ни стыдно и ни странно для столь ответственного работника партии, каким я был в то время, я должен признать, что в течение всего времени до опубликования материалов Семенова и Коноплевой, я абсолютно верил, что выстрел в Ленина был индивидуальным актом озлобленной фанатички, притом актом, определенно запрещенным ЦК. Такое разъяснение в совершенно категорической форме дали мне после выстрела в Ленина Донской, Артемьев, Злобин, Морозов, которые настолько близко стояли к работе ЦК, что не могли не знать истинного положения вещей. Не только я, но и огромное количество ответственных партийных работников в эту версию вполне верили и если бы не абсолютное доверие к Семенову и Коноплевой и к точности их данных, то этот вопрос и сейчас оставался бы для меня спорным»¹¹⁶.

Но уже через два дня Ратнер корректирует свои показания, и как! В высшей степени показательны для вопроса о фальсификации и ее способах его дополнительные показания от 13 марта 1922 г. о группе Семенова (на допросе 11 марта он даже не упоминал о ней, хотя рассказывал даже о слухах и разговорах, имевших хоть какое-то отношение к террору): «О работе боевой организации Семенова, как специальном боевом органе при ЦК ПСР, я знаю косвенным образом через Чернова, Донского, Тимофеева, Евгению Ратнер, причем все они отзывались о Семенове и о работавших с Семеновым боевиках с исключительной теплотой и доверием, неоднократно восторгаясь храбростью и самоотверженностью входящих в состав его организации боевиков и высоко ставя личную и моральную чистоту Семенова. Неоднократно отрывочные сведения о работе Семенова я имел от рядовых членов партии, так или иначе сталкивавшихся и связанных с работой боевой организации. От всех без исключения я имел прекрасные отзывы, доходящие до благоговения перед „Тригорием Ивановичем“. С отдельными членами боевой организации я сталкивался лишь в общепартийной работе и о боевой работе их никаких сведений от них самих не имел. Несмотря на мое резко отрицательное отношение к существу работы организации Семенова, у меня создалось твердое и ничем не поколебимое убеждение в исключительной честности и мужестве, как Семенова, так и его товарищей. Считаю необходимым добавить, что в боевых организациях, как при самодержавии, так и в борьбе с Советской властью, концентрировались наилучшие, наиболее чистые и героические элементы в партии и как бы вредна не была их работа, морально все они бесконечно чище, чем центральные работники партии и политические лидеры партии эсеров»¹¹⁷.

Представляется, что дополнительные показания Ратнера были более или менее откровенной ложью. Не упомянув ни слова о группе Семенова на первом допросе, на втором он именует ее «специальным боевым органом при ЦК ПСР». Его ссылки на получение информации от Чернова выглядят странно по двум причинам: во-первых, по его же собственным словам у него самого в партии довольно быстро сложилась репутация «полубольшевика»; во-вторых, Ратнер примерно в мае — июне 1918 г. уехал на Юг (Чернов — в Поволжье) и вернулся в Москву в ноябре 1918 г., где сразу же выступил на Московской городской конференции ПСР «против линии ЦК ПСР, настаивая на соглашении с коммунистической партией» (в октябре 1919 г. вышел из ПСР и вступил добровольцем в Красную Армию). Поверить в то, что в этой ситуации Чернов стал сообщать Ратнеру столь взрывоопасную и, мягко говоря, деликатную информацию, весьма сложно.

В своих дополнительных показаниях от 18 марта 1922 г. Ратнер «вспомнил» разговор с Донским в августе 1918 г. перед своим отъездом на Юг: «Я задал вопрос о принципиальном отношении партии к террору и получил ответ, что принципиально террор по отношению к большевикам, конечно, приемлем и что это вопрос тактики в каждый конкретный момент. На вопрос, можно ли это понимать, как директиву местным организациям, он рекомендовал в этом вопросе соблюдать абсолютную конспирацию. На вопрос, было ли убийство Володарского партийным актом, он улыбнулся неопределенно, с конспиративным жестом ответил туманными словами, но положительно, приблизительно, следующее: „Было дело“»¹¹⁸. Различия в показаниях от 11 и 18 марта бросаются в глаза: 11 марта в качестве источника информации о причастности эсеров к убийству Володарского он указывал Е. М. Ратнер и Артемьева, а вовсе не Донского¹¹⁹.

Напрашивается вывод о стремлении следователей ГПУ упрочить связь Д. Д. Донского с террором, о чем до этого говорили только Семенов и Коноплева. На дополнительном допросе от 22 марта 1922 г. Ратнер «вспомнил», что «во главе Московской боевой организации в различные моменты конца 1917 г. и начала 18 г. стояли: Давыдов М. А., Несмеянов В. А., Агапов В. В., Фейт А. Ю., Дашевский И. С., Павлов В. С.»¹²⁰. А на первом допросе он говорил об отрицательном отношении Московского комитета ПСР к боевой работе, и знал «только один факт, иллюстрирующий боевую работу ПСР» в конце 1917 — начале 1918 г. — организацию в январе — феврале 1918 г. в Москве по инициативе Бюро эсеровской фракции в Учредительном собрании Военной комиссии, которая вскоре «рассыпалась». Никакой террористической деятельностью она не занималась, если не считать обсуждения вопроса об экспроприации денег при провозе их с вокзала в Народный банк¹²¹.

Наконец, венчает всю серию показаний Ратнера приобщенное к делу по его просьбе (как дополнение к показаниям) его заявление на имя Агранова (дата 6 апреля проставлена карандашом, очевидно, Аграновым). В нем говорилось: «В дополнение к нашим переговорам сообщая, что все даваемые мною показания и все сведения, которые я даю органам Советской власти ни в коем случае не являются секретными и поскольку позволяют интересы следствия, могут быть разглашаемы в любых кругах. Давая эти показания, я исполняю долг революционера и коммуниста и отношение ко мне обывательских и контрреволюционных кругов играть роли не может»¹²². В высшей степени примечательно и существенно, что сам Ратнер (привлеченный к делу и «допрашиваемый») называл свое общение с Аграновым не допросом, а «нашими переговорами».

Сшибка Г. М. Ратнера с собственной сестрой Е. М. Ратнер (она называла его — «Гришка-ренегат») и ее товарищами была неизбежна. Она прошла по двум линиям. Во-первых, в противостоянии 1-й и 2-й групп подсудимых, которой руководил Г. Ратнер. Это противостояние шло на протяжении всего процесса и будет рассмотрено ниже. А во-вторых, во время судебных слушаний подсудимые 1-й группы многократно ловили Г. М. Ратнера не только на тенденциозности, но и на прямой фальсификации, в ряде случаев указывая на странность его моральной позиции. Г. М. Ратнер фактически подыгрывал обвинению, что хорошо видно, например, из его допроса Крыленко 20 июня 1922 г. Примечательно, что Г. М. Ратнер поддержал тезис Крыленко о заговорщическом характере работы фракции с.-р. Учредительного собрания и самого ЦК, которые бы-

ли оторваны от масс, в то время, как МК ПСР вел работу с массами. По словам Ратнера, сам он после марта уже не принимал участия в этой работе, хотя и был секретарем МК. Не отрицая своей осведомленности, Ратнер обезопасил себя от необходимости ссылаться на источник той или иной информации, которую он получал в 1918 г. как секретарь МК ПСР, заявив, что не помнит, от кого и когда он имел эти сведения.

За свои высказывания Ратнер немедленно подвергся атаке со стороны одного из лидеров 1-й группы Е. М. Тимофеева, который, прежде всего, попытался добиться от него более четкого определения его места в партийной иерархии, т. к. Ратнер всячески старался принизить свою роль в деятельности московской эсеровской организации. «Вчера я вообще не мог понять; — говорил Тимофеев, — то Вы себя именovali представителями периферии, то указывали, что Вы участвовали даже в секретном совещании Центрального Комитета Бюро фракции. Какое было принципиальное положение вообще?» Вынужденный перечислить свои партийные посты, Ратнер все же попытался вывернуться из этой шекотливой ситуации: «Я не был членом Центрального Комитета. Членом Московского Бюро Центрального Комитета я был значительно меньший период, чем это указывается в обвинительном акте. В составе Московского бюро я был с конца июля и до начала сентября. Остальное время я был членом Московского Комитета, некоторое время — Секретарем Московского Комитета и все время председателем фракции эсеров Московского Совета Рабочих Депутатов. <...> Я никогда не был Центральным работником Партии. Я, с другой стороны, никогда не был рядовым членом партии. Я был, что называется, партийным середняком, работавшим на среднем этаже всей партийной постройки. Также приходилось работать иногда на секретных собраниях, не в качестве партийного лидера, партийного центровика, а в качестве партийного середняка, который вызывается для дачи тех или других поручений, тех или других вопросов, при решении тех или других вопросов»¹²³.

Тимофеев вынужден был напомнить Ратнеру, что московский комитет занимал следующее после ЦК место в структуре ПСР, пользуясь правами областного комитета, а потому если и можно Ратнера «считать середняком, то середняком, смотрящим скорее сверху, чем снизу». Но Ратнер продолжал стоять на своем: «Я говорю по степени развития и по степени ответственности я типичный партийный середняк, и на звание лидера никогда не претендовал»¹²⁴. Помимо прочего, на суде выяснилось, что партийный работник из Ратнера был неважный. Во всяком случае, в одном из приобщенных к делу писем его характеризовали как импрессиониста, не способного организовать работу даже в пределах московской организации.

Кроме того, уже на суде из вопросов, которые Лихач и Тимофеев задавали Ратнеру, стало очевидно, что военная организация в Москве, которую последний помогал создавать Павлову, была вовсе не санкционирована ЦК ПСР, а была их собственной инициативой, а сам Павлов вовсе не был членом Бюро фракции УС и имел не тот вес и значение, о котором говорил Г. Ратнер. Из показаний же В. П. Шестакова следовало, что военная организация в Москве, о которой говорил Г. Ратнер, была во многом его собственной затеей.

Впрочем, показания Фейта позволили сделать вывод об идентичности военной организации, о которой говорили Г. Ратнер и Фейт, что усилило слова Ратнера. Позиция Тимофеева, Лихача и их товарищей, утверждавших, что это фикция и плод авантюрных устремлений самого Г. Ратнера

(вкупе с Павловым) зашаталась. И все же Тимофеев продолжал настаивать на том, что, приехав в Москву, он столкнулся с организацией, которая была частным делом отдельных лиц, одним из которых был Павлов.

Роль Ратнера не ограничилась лишь дачей показаний. Как выяснилось уже на процессе, он уговорил одного из бывших эсеров Закгейма выступить со свидетельскими показаниями. Будучи молодым парнем, тот работал курьером в иногородней комиссии ЦК и отнес письма в ряд иностранных посольств с выражением ЦК ПСР своего отношения к Брестскому миру. Но на суде Закгейм, допрашиваемый Е. М. Ратнер, заявил, что не собирался выступать на процессе, но был введен в заблуждение Г. М. Ратнером, сказавшим ему, что процесс по своему характеру будет исторический и воспитательный, а не карательный (эти слова вызвали смех в зале). Эсеры не могли не воспользоваться таким удобным случаем и потребовали допроса Г. Ратнера, который был не слишком убедителен в попытках объяснить, что он, действительно, считает основной задачей процесса открытие исторической правды и не придает значения его карательной стороне, и что именно в этом духе он разговаривал с Закгеймом, который приходил к нему совсем по другому поводу и принял товарищеский разговор за конкретное указание.

Но, как мы увидим позже, ярче всего Г. М. Ратнер все же раскрылся во время вспыхнувшей дискуссии о том, что такое предательство, когда он восклицал: «Если требует революция, то можно свести на эшафот и собственную сестру. Если требует революция, то семейные отношения не существуют»¹²⁵.

§ 6. «...ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ ОТКАЗЫВАЮСЬ, СЧИТАЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ДОСТОЙНЫМ И ВОЗМОЖНЫМ ДЛЯ СЕБЯ ДАВАТЬ ПОКАЗАНИЯ ТОЛЬКО КОЛЛЕКТИВНО ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ ЧЛЕНАМИ Ц.К. ПАРТИИ»: ТАКТИКА ПОДСУДИМЫХ 1-й ГРУППЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Властям все же удалось заставить врасплох даже сплоченную группу членов ЦК и видных эсеров, сидевших вместе в Бутырской тюрьме до февраля 1922 г. и имевших все возможности свободного общения друг с другом для выработки единой тактики. Но такую тактику пришлось выработать уже позже, в ходе начавшегося предварительного следствия и в условиях изоляции их друг от друга во Внутренней тюрьме ГПУ в марте 1922 г.

Особо подчкрнем, что в марте 1922 г. никакой 1-й группы еще не было, она формировалась в течение нескольких месяцев из более чем полутора сотен эсеров, которым 24 февраля 1922 г. ГПУ выдвинуло обвинение. Более сотни человек из этого списка оказались не разысканными или находящимися в эмиграции, кто-то дал «откровенные показания» и был включен во 2-ю группу подсудимых, кто-то дал «откровенку» и был выведен на процесс не в качестве подсудимых (хотя вполне «тянул» на такую роль, как, скажем, М. А. Давыдов и его жена В. А. Давыдова-Липская, которые руководили в 1918 г. диверсионным отрядом), а в качестве свидетеля обвинения, кто-то дал показания «на грани фола», которые можно было бы охарактеризовать, как «полуоткровенку», давшую чекистам и обвинению ценную информацию, но черты предательства все же не переступавшую, кто-то сразу отказался от дачи показаний.

Очевидно, решение об отказе от дачи показаний даже в среде чекистов, сидевших вместе, было принято не сразу, так как двое из них — Н. Н. Иванов и М. А. Веденяпин дали показания, создавшие затем для всей 1-й группы немало проблем (особенно показания Иванова, где он признал факт существования Боевой Организации). А именно вопрос о терроре и был для эсеров самым болезненным. Нельзя пройти и мимо показаний А. Р. Гоца, собственноручно им написанных в 1937 г. в Алма-Ате, хотя степень достоверности их под большим сомнением, так как они были получены с применением пыток. В этих показаниях много фантастического, вроде ведения эсерами в начале 30-х годов бурной «повстанческо-террористической деятельности», а сам факт применения пыток и последующих моральных мучений А. Гоца за эти показания вообще ставит под сомнение правомерность их использования в качестве достоверного источника, но невозможно и замалчивать их¹²⁶.

Привозимых из Питера рядовых боевиков «пятерка» также пыталась заставить занять общую позицию, перестукиваясь с камерой, где они сидели. Любопытно, что чекисты об этом перестукивании боевиков с Гоцем, состоявшемся еще в марте, узнали только в мае. Допрошенный по этому поводу С. Е. Кононов показывал: «...Приблизительно до Пасхи сидящий в одной камере (внутренней тюрьме ГПУ) со мной УСОВ перестукивался от имени всей нашей камеры (где сидят ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ, ЗУБКОВ, я и УСОВ) с находившимся в камере, расположенной под нашей камерой, А. Р. ГОЦЕМ. Перестукивание происходило по трубе. ГОЦ спросил о том, кто заключен в нашу камеру. Ему был дан УСОВЫМ ответ, что в нашей камере находятся прибывшие из Петрограда боевики эсеры. ГОЦ спросил, были ли мы на допросе и что мы показывали следователю. Мы ответили, что показывали на следствии обо всем, что касалось нашего участия. ГОЦ сказал нам, что на суде мы должны как эсеры отстаивать прежде всего интересы партии с.-р.

Для меня лично, как отошедшего от п.с.р. такое поведение на суде, рекомендованное ГОЦЕМ, является неприемлемым.

С этим моим мнением согласны мои товарищи по камере, но ГОЦУ об этом мы не говорили»¹²⁷.

Большинство из 22-х, выведенных на суд, на предварительном следствии отказалось от показаний. Отказ от дачи показаний считался единственно верной и оптимальной тактикой при допросе. И с.-д. и с.-р., придя к 1903—1904 гг. опытным путем к этой истине, стали настойчиво рекомендовать членам своих партий отказываться от показаний. Со временем у бывалых революционеров выработался определенный шик — не просто отказаться от дачи показаний, но и назвать свой партийный статус, демонстрируя властям, что они их не боятся (как, например, это сделали в 1920—21 гг. Федорович и Герштейн). Впрочем, каких-либо единых стандартов поведения в этом вопросе не существовало. Кто-то мотивировал причины такого отказа, кто-то пояснял какие-то моменты и мотивы своей деятельности, а кто-то считал это излишним.

Мы располагаем несколькими протоколами допросов с подобными отказами. Так, например, в протоколе допроса В. В. Агапова от 6 марта 1922 г. мы читаем: «В 1918 году партия социалистов-революционеров находилась в состоянии вооруженной борьбы с Советской Властью, поэтому она могла бы допускать методы военной борьбы, как вне советской территории, так и на территории Советской России. Применение партией С. Р. террора и эксов я отрицаю. От дальнейших показаний отказываюсь.

По моему представлению, СЕМЕНОВ и КОНОПЛЕВА работали в 1918 г. без санкции Ц.К. Когда я впоследствии узнал об их деятельности, я оценивал их действия, как авантюристически[e].

Как член П. С. Р. я ответственен за деятельность партии во всякое время»¹²⁸.

Протокол показаний члена ЦК ПСР Д. Д. Донского гласил: «Партия социал-революционеров никакого отношения к террористическим актам против Советских вождей не имела, равно никакого отношения к этим актам не имела ни одна партийная С. Р. организация. От дальнейших показаний по предъявленным мне обвинениям в участии в терроре против Советской власти и экспроприации я отказываюсь до суда Верховного Трибунала»¹²⁹.

Е. М. Тимофеев 30 марта 1922 г. заявлял: «<...>от всяких показаний по делу до судебного разбирательства отказываюсь, соответствующие сведения дам на суде. Вместе с тем, прошу присоединить к делу нижеследующие документы <...>»¹³⁰.

Интересна формулировка Ф. Ф. Федоровича, считавшего невозможным свое «обеление»: «За все постановления Центрального комитета Партии социалистов-революционеров или уполномоченной части его, принятые и проведенные за весь тот период времени, когда я состою членом Ц.К. я считаю себя ответственным. Показания по существу заданных мне вопроса об отношении ЦК или моем личном отношении к делу террора и экспроприаций против Советской власти, — я давать отказываюсь, потому что я считаю неприемлемым для себя всякого рода обеление от предъявленных мне обвинений»¹³¹.

Л. Я. Герштейн 9 апреля 1922 г. заявлял на допросе: «<...>я от дачи показаний отказываюсь, считая единственным достойным и возможным для себя давать показания только коллективно вместе с другими членами Ц.К. Партии»¹³².

Протокол допроса члена ЦК ПСР Г. Л. Горькова-Добролюбова от 11 апреля 1922 г. гласил: «[.]я заявляю, что от показания по существу дела и предъявленного мне обвинения в связи и сношениях с французской миссией в 1918 г. по поручению Ц.К.П.С.Р. я отказываюсь»¹³³.

Протокол допроса члена ЦК ПСР Д. Ф. Ракова из тех, кто отказался от дачи показаний, получился самым объемным, ибо во вступительной части содержал сведения о его социальном происхождении и положении, образовании, предыдущей партийной работе: «На предложенные мне вопросы: 1) знал ли я о существовании при ЦК Партии социалистов-революционеров боевой организации, 2) Как я относился к боевой организации, 3) Как я относился к террору и экспроприации, 4) Получала ли партия средства от союзных государств отвечать отказываюсь, постараюсь дать показания лишь при судебном разбирательстве дела. Присовокупляю, что я подписал ответы, написанные мною лично»¹³⁴.

Но ряд бывших и настоящих членов ЦК показания дал. Так, в протоколе допроса от 16 марта 1922 г. бывшего члена ЦК ПСР К. С. Бурезово, ставшего в 1919 г. одним из руководителей группы «Народ», а позже МПСР, мы читаем достаточно подробное изложение имевшихся в партии точек зрения на террор: «В конце февраля 1918 года в Ц.К.П.С.Р. был поднят вопрос о применении террора по отношению к большевикам. Я в то время состоял членом Ц.К. П.С.Р. Ц.К. находился тогда в Петрограде. В Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. ЧЕРНОВ, РИХТЕР и ТИМОФЕЕВ. РИХТЕР бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К. Вопрос о терроре, насколько помню, был поднят

в связи с деятельностью советского комиссара по военным делам АНТОНОВА на Украине (в Харькове). В связи с поднятым в заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о применении террора по отношению к АНТОНОВУ. Не помню, кем именно было внесено это предложение. В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая безусловному противнику террора члену Ц.К. СУМГИНУ, между прочим указал, что при разгоравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызывавшего своими действиями возмущение населения, могло бы революционизировать народные массы. ЧЕРНОВ внес в Ц.К. резолюцию о терроре, которая была так расплывчато средактирована, что СУМГИН усмотрел в ней возможность истолкования партийными организациями этой резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР, ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е. М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-БЕРНШТЕЙН, ФЕДОРОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН, ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В то время я, как и большинство членов Ц.К., отнюдь не был принципиальным противником применения террора, как метода борьбы, но считал, что революционная обстановка того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы. СЕМЕНОВА и КОНОПЛЕВУ я знал по группе „Народ“. Я знал о причастности СЕМЕНОВА к Военной комиссии при Ц.К. П.С.Р.

О покушении на ЛЕНИНА я узнал, находясь в Самаре, где в то время был Комитет Учредительного собрания. Из членов Ц.К. там были Веденяпин. У меня возникла мысль о том, что это покушение могло явиться делом П.С.Р., так как я слышал, что КАПЛАН, совершившая покушение, была членом П.С.Р. По приезду в Москву в начале февраля 1919 года я слышал от Донского, что Ф. КАПЛАН обратилась в Ц.К. с предложением об убийстве ЛЕНИНА, причем Ц.К. или орган его представлявший в то время в Москве отверг это предложение, ввиду чего КАПЛАН вышла из партии и самостоятельно совершила покушение. Об эксах я ничего не знал. Вполне допуская, что многое из деятельности Ц.К. для меня оставалось неизвестным, так как в Ц.К. было большинство, сплоченное персональными связями, распоряжавшееся за спиной остальных членов Ц.К. и иногда даже наглядно конспирировавшее от членов Ц.К., находившееся вне этой сплоченной группы. Душой этого основного ядра Ц.К. были ГОЦ и ЗЕНЗИНОВ и находившийся вне Ц.К. АВК-СЕНТЬЕВ. Иногда эта группа по некоторым вопросам противоречила ЧЕРНОВУ»¹³⁵.

Даже при беглом взгляде на эти показания видно, что они, безусловно, работали на обвинение, в том числе и раскрывая существовавшие в эсеровском руководстве разногласия и расстановку сил. При следующем, дополнительном допросе, от 18 марта 1922 г. Агранов задал Буревому только один, зато очень существенный для обвинения вопрос, на который последний ответил следующим образом: «О терроре со стороны Комитета членов Учредительного собрания и Партии С.Р. могу показать следующее: 1) Восстание рабочих Иващенкоовского завода против власти

Учредительного собрания было подавлено войсками Народной армии под руководством офицера (фамилии не помню), сыгравшего в этом деле провокационную роль. Восстание рабочих было подавлено жестоко, причем было много убитых рабочих. Политику жестокой расправы в районе Сызрани производил Уполномоченный Комитета членов Учредительного собрания ЛЕБЕДЕВ Владимир Иванович, состоявший потом товарищем военного министра, член Комитета Учредительного собрания. Деятельность ЛЕБЕДЕВА и его полевого суда производила на эсеров гнетущее впечатление. О его деятельности знали эсеры и члены Комитета членов Учредительного собрания. Широкие же круги об этом не знали. Расправа производилась над всеми заподозренными в большевизме. Ведомством Внутренних дел заведывал КЛИМУШКИН, с.-р., член Учредительного собрания. Позднее с образованием в Самаре Государственной охраны, подчиненной ведомству внутренних дел, этой государственной охраной ведал РОГОВСКИЙ, эсер, член Учредительного собрания.

Белый террор в Екатеринбурге производился чехами и Сибирским правительством. Подполковник Генерального штаба МАХИН Федор Евдокимович, член партии с.р. был начальником штаба или командующим одной из советских армий и вместе со своим штабом перешел на сторону Народной армии (Учредительного собрания). МАХИН был назначен Главнокомандующим силами, защищавшими Самару против наступавшей Красной армии, дней за пять до падения Самары. Уже при Директории МАХИН был подчинен атаману ДУТОВУ, чем и лишил Комитет Учредительного собрания поддержки, т. к. МАХИН был ДУТОВЫМ арестован.

Крылатая фраза РАКИТНИКОВА о том, что у Партии С. Р. руки в крови, относится вообще к допущению Комитетом членов Учредительного собрания деятельности самочинных карательных отрядов, свирепствовавших в деревнях. СУМГИНА Михаила Ивановича я потерял из виду в 1918 г. ВЕДЕНЯПИН появился в Самаре вскоре после свержения там Советской власти. Я его там застал в июле месяце 1918 года, ФЕДОРОВИЧ (член Ц.К.) уехал из Москвы вместе со мной в 20-тых числах мая, месяца 1918 года»¹³⁶. Представляется, что такой ответ весьма похож на «откровенные показания», да и все показания Буревого находятся близко к этой черте (или даже уже за ней).

А вот показания члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина, одного из самых «левых» в эсеровском руководстве, при всяком удобном случае подчеркивавшего близость целей двух партий, свидетельствуют о том, что он, пожалуй, подходит к этой черте, но не переступает ее. Допрошенный 1 апреля, он показал: «О приезде КОНОПЛЕВОЙ (которую я знал по партийной работе в Питере) в Москву в марте 1918 г. я не помню. Но определенно заявляю, что никаких разговоров с нею о терроре у меня не было. В Москве вопрос о терроре не рассматривался ни в Ц.К., ни в Московском Бюро (по крайней мере, мне лично об этом не было известно) в связи с уходом из Ц.К. СУМГИНА М. И. я припоминаю, что одним из мотивов его ухода была резолюция Ц.К. о вооруженной борьбе. Партий с.-р. велась в конце 1917 г. и 1918 г. военная работа против Советской власти, о том, что Г. И. СЕМЕНОВ состоял в Боевом отряде, как и о самом существовании этого отряда, я не знал. Я знал о том, что СЕМЕНОВ в начале был членом Военной коллегии при Ц.К. П.С.Р., а затем был во главе этой комиссии. Эта военная организация имела некоторую автономность в своих действиях, она имела даже свою кассу, независимую от кассы Ц.К. — фракцией с.-р. Учред[ительного] собр[ания] велась тоже военная работа, против Советской власти, о существовании

в Москве „Союза возрождения“ мне как и другой части членов Ц.К. (Буревой) стало известно только в Самаре после приезда Аргунова. Мне неизвестно о санкции Ц.К. на ведение переговоров с союзниками, но поскольку переговоры с союзниками и могли вестись тем или иным членом Ц.К. то, скорее всего, от имени Бюро фракции с.-р. Учр[едительного] собрания, в которое входил ряд членов Ц.К. П.С.Р. и которое представляло известный партийный центр»¹³⁷.

Что позволяет говорить, что Веденяпин не заступает за запретную черту? Вообще, каков был для революционеров критерий для определения этого? Прежде всего — наличие или отсутствие так называемых «выдач». Другими словами, могло ли сказанное допрашиваемым быть инкриминировано властями его товарищам или нет? Ни в основных, ни в дополнительных показаниях Веденяпина таких сведений не было. В том протоколе он, не считая Коноплевой, называет фамилию только уже расстрелянного большевиками Сумгина. Впрочем, были сведения, дающие следствию возможность ориентироваться в перипетиях партийной жизни, что, конечно же, и следствием и судом успешно использовалось.

Насколько полезной для них могла быть такая информация, можно заключить из дополнительных показаний Веденяпина от 3 апреля 1922 г., в которых он подробно описал настроения в эсеровской партии и в ЦК накануне VIII Совета партии, решения этого Совета о вооруженной борьбе с советской властью, отношения эсеров с командованием чехословацкого корпуса, о деятельности Комитета членов Учредительного собрания в Самаре, об организации Восточного фронта, о решениях IX Совета партии, о позиции отдельных членов ЦК. Веденяпин также особо отметил, что сам он, несмотря на неоднократные, хотя и непродолжительные, аресты: «Не скрывался, не уходил на нелегальное положение, при всей явной опасности быть арестованным, совершенно сознательно считая, что постольку, поскольку вполне определенно я являюсь противником вооруженной борьбы с Советской властью (см. опубликованное ВЧК мое письмо... в «Изв[естиях]») я имею право проповедовать свои социалистические убеждения и их проповедовать, это право мне дано двадцатилетней революционной борьбой»¹³⁸.

Главное, что могли почерпнуть следствие и суд из таких показаний — это возможность составить более точное и ясное представление о том, как происходили те или иные события, кто какие позиции внутри партии занимал, сверять с показаниями других подсудимых, уличать их во лжи, ссылаясь на показания Веденяпина, и, конечно же, уточнять и выверять свою линию ведения следствия и суда. Вне всякого сомнения, хотя подобные показания и не содержали «выдач» товарищей, но, конечно же, наносили обвиняемым серьезный урон, ослабляли их позиции, позволяли потом пробивать бреши в их обороне подобными показаниями.

Особенно ярко это проявилось с показаниями члена ЦК ПСР Н. Н. Иванова, касавшимися самой болезненной для подсудимых темы — террора и экспроприации. Мотивы, по которым он дал эти показания, не ясны до сих пор, но, по крайней мере, все последующее поведение Иванова до самой его смерти не дает ни малейших оснований искать их в трусости и желании облегчить свою участь. Вне всякого сомнения, Иванов, скажем, в годы «тюремного противостояния» был одним из самых «непримиримых» и стойких. Вернее было бы предположить, что Иванов, будучи человеком достаточно цельным, прямым и бескомпромиссным, не хотел юлить и выкручиваться перед чекистами, предпочитая идти на

них с открытым забралом. Но этим он все же наносил большой вред позиции 1-й группы, что видно из его показаний 7 и 8 апреля 1922 г. Он заявил Агранову: «Центральный комитет партии с.-р. в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т. к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти.

Весной отряд Ц.К., сформированный Григорием Ивановичем СЕМЕНОВЫМ, выделился, насколько я помню, как-то сам собой из военной организации партии с.-р. Назначением боевого отряда было совершение боевых актов: недопущение вывоза ценностей из Петрограда в Германию; содействие ведению военных операций в период фронта; Учред[ительного] собрания в смысле партизанских действий (взрыв мостов, порча ж. дорог и пр.). В экспроприациях я никакого участия не принимал. Я лично считал допустимым совершение экспроприаций советских учреждений с целью приобретения средств на партийную работу. С некоторыми оговорками, я считал бы возможным и совершение частных экспроприаций с целью получения средств для партии. У члена Ц.К. партии Н. С. ИГНАТЬЕВА я действительно был один раз в мае, или июне месяце 1918 г. по поводу денег, принадлежащих Военному штабу Союза возрождения. Тему разговора я помню смутно. О том, что А. Р. ГОЦ был членом Союза возрождения, я узнал только в Уфе о вступлении ГОЦА в Военный штаб Союза возрождения, правдивым (так в документе. — К. М.).

Приблизительно в мае или июне месяце 1918 г. в Петрограде Представителем Центрального комитета партии с.-р. велись переговоры с представителем английской миссии о возможности помощи союзников в деле восстановления антигерманского фронта. Представитель миссии обещал нам содействие в этом деле. В Москве переговоры с союзническими миссиями носили тот же самый характер. Иногда ТИМОФЕЕВ делал в Ц.К. сообщения об этих переговорах. Союзники обещались помочь нам установить контакт с чехами. Получение денег от союзников в Москве места не имело. Только в провинции был летом 1918 г. случай получения партийей с.-р. некоторых денежных сумм заимообразно в частном порядке от одного из иностранцев (кажется, это был французский вице-консул). Деньги ему были полностью возвращены <...>¹³⁹.

Конечно же, о таком подарке чекисты не смели и мечтать и потому поспешили закрепить успех и уже на следующий день провели дополнительный допрос, задав целых 9 вопросов. Они спешили уточнить неясные и запутанные сюжеты и «повязать» Иванова показаниями, взрывающими показания его товарищей. Допрошенный Особоуполномоченным 8-го апреля 1922 г., Иванов заявлял:

«1) В 1921 г. от одного из товарищей, члена партии социалистов-революционеров, я узнал, что Ф. КАПЛАН получила в 1918 г. от Московского Бюро Центрального Комитета партии с.-р. разрешение на совершение террористического акта против ЛЕНИНА лишь в виде акта индивидуального, т. е. в случае провала она должна была заявить, что

акт совершен не партией, а лично ею, как социал-революционеркой с личной мотивировкой.

2) Наше намерение, путем порчи пути или взрыва бомбой паровоза помешать спокойному отъезду Совнаркома из Петрограда в Москву в марте м[еся]ца 1918 г., должно было носить лишь демонстративный характер. Но эта попытка покушения не получила осуществления, в виду недостаточной подготовленности дела и преждевременного отъезда Совнаркома в Москву.

3) В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на ЛЕНИНА при его проезде на автомобиле с ПЛАТТЕНОМ, при чем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии ТЯГУНОВА.

4) Ярославское восстание, организованное Б. САВИНКОВЫМ, возникло не только без участия центральных учреждений партии с-р. (Ц.К., военная комиссия при Ц.К.), но и шло в разрез с планами партии с-р., нарушив подготовку с-р.-ми восстания в северном районе (Архангельск — Вологда). Восстание в Архангельске — Вологде должно было предшествовать десанту союзников, который должен был уже закрепить победу повстанцев. План восстания в северном районе разрабатывался военной группой п.с-р. в Петрограде.

5) На первом заседании Ц.К. п.с-р., на котором я поднял вопрос о терроре против Советской власти (конец января — начало февраля м[еся]ца 1918 г.), я был поддержан лишь одним членом Ц.К. п.с-р. (Виктором Михайловичем ЧЕРНОВЫМ, насколько я помню). (О переговорах А. Р. ГОЦА с КОНОПЛЕВОЙ Л. весной 1918 г. я не помню).

6) С Г. И. СЕМЕНОВЫМ я знаком с лета 1917 г. Ближе с ним познакомился со времени 4-го съезда п.с-р. по работе в Военной организации. Я относился к нему, как к ценному работнику-революционеру. С КОНОПЛЕВОЙ я был знаком отчасти по легальной работе в 1917 г. и по военной работе.

7) Мое предложение о вступлении моем в Боевую организацию было отклонено Ц.К. (кажется, это было в частном порядке), ввиду необходимости использования меня для другой работы.

8) В Петрограде я оставался до VIII Совета партии с-р. (начало мая 1918 года).

9) В начале августа 1918 г. в Москве безусловно не было: БУРЕВОГО, ВЕДЕНЯПИНА, ГЕНДЕЛЬМАНА, ГЕРШТЕЙНА — они находились за фронтами, либо на пути туда.

В Москве, кроме меня, были РАТНЕР Е. М. и ТИМОФЕЕВ; может быть, был ГОЦА А. Р. Московские работники вступили в Бюро Ц.К. уже после моего отъезда. ДОНСКОГО я тогда в Москве не видел.

10) Военная Комиссия при Ц.К. летом 1918 г. занималась отправкой военных работников за волжский фронт. Определенно я знаю о вхождении в состав этой Комиссии ДАШЕВСКОГО. Возможно, что в нее вошли ЗЕНЗИНОВ и МОИСЕЕНКО»¹⁴⁰.

Безусловно, чекисты и дальше многое что уточнили бы и пошли бы и «вширь и вглубь» в этой буквально бесценной для них теме, но Иванов прекратил давать показания. В материалах следствия это не отражено, но с одной стороны, невозможно, чтобы сами чекисты перестали разрабатывать эту золотую жилу, а во-вторых, на суде из уст обвинения и защиты 2-й группы звучали подозрения, что Иванов замолчал под воздействием своих товарищей.

Так, защитник 2-й группы видный коммунист П. А. Шубин говорил об Иванове: «У него не только не „такая фигура“, чтобы спрятаться, у него не такая натура, чтобы изворачиваться, чтобы вести цекистскую линию на этом процессе. Почему Иванов на предварительном следствии показал так много, вплоть до того, что он признавал в 1918 г. частные экссы? На суде он объяснял свою откровенность тем, что это вопрос самолюбия. Но причина другая. Он не мог отрицать всю фактическую правду, потому что он не только цекист — он боевик. Иванов организовал, или, по крайней мере, хотел организовать, покушение на Колчака. И когда сейчас Ц.К. занял такую предательскую позицию по отношению к своей боевой организации, Иванов-боевик не может идти до конца со своим Ц.К. Вы не вырвете из дела того, что Иванов дал показания на предварительном следствии, когда все цекисты молчали, и когда пробует идти теперь, то сбивается на каждом шагу, и не объясните этого, иначе, как тем, что он не стерпел и выдал правду»¹⁴¹. К сожалению, все детали и нюансы этого инцидента унесены подсудимыми 1-й группы с собой в могилу, как и многое-многое другое.

В заключение скажем несколько слов о поведении на предварительном следствии «тринадцатого смертника» процесса В. Н. Рихтера. Выше мы уже упоминали, что подлежащий аресту и отправке из Одессы в Москву для вывода на процесс 1922 г. В. Н. Рихтер в марте 1922 г. сумел скрыться и перейти на нелегальное положение, приняв в качестве уполномоченного Центрального Бюро ЦК ПСР участие в развертывании эсеровской пропагандистской кампании против устроенного коммунистами процесса. Арестованный в Киеве 28 сентября 1922 г. уже после окончания процесса с документами на имя А. Д. Писаревского на «совещании ответственных партийных с.р. работников», Рихтер был отправлен в Москву, где содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. Главным пунктом обвинения против него стали показания Коноплевой, о том, что в начале 1918 г. В. Н. Рихтер руководил террористической группой, пытавшейся убить В. И. Ленина, и передал ей яд кураре, использованный впоследствии для отравления пули, которыми стреляла 30 августа Фанни Каплан. Это было повторено с ее слов Г. И. Семеновым в его брошюре «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.». По свидетельству Л. В. Коноплевой и Г. И. Семенова, весной 1918 г. московским Бюро ЦК ПСР В. Н. Рихтер был назначен руководителем боевой группы для организации покушения на В. И. Ленина и в этом качестве передал ей яд кураре (которым были отравлены пули, предназначавшиеся для В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого). По ее же словам, руководителем он оказался «неважным», и во всей дальнейшей работе она решила действовать, не полагаясь на ЦК. В подготовленном 25 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ проекте сообщения в Политбюро ЦК РКП(б) о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров говорилось: «Для руководства устройством покушения на тов. Ленина (в Москве) Ц.К. назначил члена Ц.К. п.с.-р. Рихтера. Но эти первые шаги не получили надлежащего развития. Лишь в конце лета Ц.К. серьезно берется за это достойное орудие борьбы»¹⁴².

12 ноября 1922 г. на своем первом «московском» допросе, который вела бывшая левая эсерка, а к этому времени помощник начальника 3-го отделения (специализирующегося на поимке именно эсеров) Секретного Отдела ГПУ Вера Брауде, В. Н. Рихтер назвал свое настоящее имя, но отказался давать какие-либо показания¹⁴³. На следующем допросе, 28 ноября 1922 г., он повторил, что не будет давать показаний, пока ему не

предъявят стенографический отчет суда над ЦК ПСР¹⁴⁴. Мы не знаем, дали ли ему стенограммы процесса, но никаких показаний ни чекистам, ни следователю Верхтриба он не дал и позже. Нельзя не отметить, что его поведение на следствии было абсолютно безупречным с точки зрения этики революционера.

12 января 1923 г. В. П. Брауде написала и представила по начальству заключение по делу В. Н. Рихтера, вывод которого был таков: «Считаю доказанным участие РИХТЕРА в 1918 г. в организации террористических актов против деятелей Сов[етской] Власти (ст. 64 Уг[оловного] Код[екса]) и активное руководящее его участие в контрреволюционной работе партии с.р. (ст. 57 и 60 Уг[оловного] Код[екса])[,] я предлагаю предать РИХТЕРА суду Верховного революционного трибунала с перечислением за ним арестованного». Свое согласие с этим выразили начальник 3-го отделения СО ГПУ И. Ф. Решетов, начальник СО ГПУ Самсонов и заместитель председателя ГПУ И. С. Уншлихт. 21 марта 1923 г. следователь Верховного Суда РСФСР Ю. Карлсон вынес постановление о привлечении В. Н. Рихтера к суду. На допросе у Карлсона В. Н. Рихтер, как и ранее, вновь отказался от дачи показаний, написав в протоколе допроса — «От всяких показаний по существу предъявленного мне обвинения отказываюсь. Владимир Рихтер», и тогда Карлсон вынужден был привлечь к следственному делу копии стенограмм и протоколы допросов из материалов процесса 1922 г., на основании которых Рихтер и был приговорен к смертной казни, замененной потом тюремным заключением.

Примечания

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 9—17.

² Там же. Л. 3, 3об.

³ См.: Аронсон Г. Большевизм (Опыт характеристики) // Социалистический вестник. 1949. № 10 (625). С. 179.

⁴ Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917—сер. 1950-х годов. М., 1999.

⁵ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. С. 783-784.

⁶ Там же. С. 15—16.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 186—188.

⁸ Там же. Т. 65. Л. 107.

⁹ Социалистический вестник. № 15. 1922. С. 7.

¹⁰ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 291—293, 304—305, 315—317.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 163, 163об.

¹² Б. Н. Е. Ратнер // Социалистический вестник. 1931. № 21. С. 14.

¹³ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 390.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 181.

¹⁵ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 554.

¹⁶ См.: Голос России. 1922. 25 июня. № 999.

¹⁷ Подробнее см.: Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891—1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87—105; Войтинский В. Двенадцать смертников. Берлин, 1922. С. 30; Литвин А. Л. Азеф второй // Родина. 1999. № 9. С. 80—84.

- ¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 137, 137 об.
- ¹⁹ См.: Журавлев С. В. Человек революционной эпохи. С. 91.
- ²⁰ См. также: Журавлев С. В. Человек революционной эпохи; Войтинский В. Двенадцать смертников. С. 32—33.
- ²¹ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 667.
- ²² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 44. Л. 74—75.
- ²³ Там же. Т. 63. Л. 182, 182об.
- ²⁴ См.: Журавлев С. В. Человек революционной эпохи. С. 93.
- ²⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 294. Оpubл. в: Литвин А. Л. Азев второй. С. 81.
- ²⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 595. Подробнее об этом см. в параграфе 1 гл. V.
- ²⁷ Вообще документы, связанные с подготовкой и проведением процесса с.-р., приводят к выводу, что в отличие от своих предшественников чекисты демонстрировали крайне невысокий уровень так сказать «делопроизводственной культуры» (да и «культуры оперативной работы» тоже) — это заметит любой, кому приходилось работать с документами Департамента полиции, Губернских жандармских управлений и Охранных отделений и с аналогичными документами ВЧК-ГПУ. Причины этого лежали на поверхности: во-первых, полное обновление кадров «политической полиции» (из старых кадров, и то «из другого ведомства», насколько можно судить по свидетельству политзаключенных, сохранили кое-кого из тюремщиков, в том числе и на уровне начальников тюрем; и, вероятно, кое-кого из старых филеров, уж слишком хорошо, в отличие от всех других служб, было поставлено в том же 1922 г. наружное наблюдение в Москве). С другой стороны, у новых кадров не было не только опыта и соответствующего образования, но зачастую вообще было плохо с образованием. Так, результаты обследования, проведенного летом 1920 г., выявили, что из около 2-х тысяч сотрудников ЧК из 32-х губерний высшее образование имели — 15 человек (0,88%), из них юридическое — лишь двое (См.: Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. С. 56).
- ²⁸ Немалую часть тома составляют разного рода черновые записки и наброски, цель и смысл которых не всегда можно понять, и списки различных эсеровских органов и комитетов — ЦК ПСР, избранного на IV съезде, Бюро Петроградского комитета, Московского комитета, Петроградского бюро ЦК, Московского бюро ЦК, Бюро фракции ПСР в Учредительном Собрании, Военной организации, структур ПСР в Поволжье, в Архангельске, на Украине и т.д., а также участников заседания ЦК ПСР в феврале 1918 г., где обсуждался вопрос о терроре (ЦА ФСБ РФ. Н-7189. Т. 70. Л. 48—64). Списки эти были составлены уже после начала предварительного следствия в марте 1922 г., по показаниям ряда лиц и по материалам эсеровской прессы. Подчеркнем, что среди эсеровских партийных материалов, собранных чекистами в 1922 г. в единый фонд, есть не только эсеровские газеты и материалы различных комиссий ЦК и губернских организаций, но и материалы III и IV съездов ПСР 1917 г. и партийной конференции мая 1918 г. Списки избранных на этих съездах членов ЦК и членов разных комиссий ЦК позволяли чекистам ориентироваться, кто есть кто. Производит впечатление и предусмотрительность чекистов, приобщивших к фонду процесса отдельное дело, в котором хранятся мандаты эсеровских делегатов на III съезд ПСР, состоявшийся в мае-июне 1917 г. Эти мандаты позволяли зафиксировать фамилию, имя и отчество человека в привязке к губернии, от партийной организации которой он делегировался на съезд в 1917 г. (что было не так уж мало в том хаосе, в котором приходилось работать чекистам). Судя по всему, списки различных партийных органов и структур, хранящиеся в томе 70, составлялись чекистами, прежде всего, для того, чтобы легче было ориентироваться в десятках и сотнях фамилий эсеров, в том или ином качестве упоминавшихся в материалах процесса 1922 г.

- 29 Чернова-Андреева О. В. Холодная весна. 1919—1920 г. // Новый журнал. 1975. № 121; 1976. № 122, № 124; То же (отрывки) // Звезда. 2001. № 8.
- 30 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 70. Л. 89—89об.
- 31 Там же. Л. 88.
- 32 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 147.
- 33 Там же. С. 167.
- 34 Там же. С. 164—166.
- 35 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 258—258об.
- 36 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 554—555.
- 37 Там же. С. 172.
- 38 Там же. С. 192.
- 39 Цит. по: Там же. С. 28.
- 40 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Л. 20.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Т. 4. Л. 2.
- 43 Там же. Л. 1а.
- 44 Там же. Л. 4а, 4б, 4в.
- 45 Там же. Л. 4в.
- 46 Там же. Л. 167.
- 47 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 214.
- 48 Там же. С. 215.
- 49 Там же.
- 50 Там же. С. 216
- 51 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. 1. Л. 1—16.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 554.
- 57 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 182—182об.
- 58 Там же. Т. 43. Л. 18, 18об.
- 59 Там же. Л. 17.
- 60 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. 1. Л. 1—16.
- 61 Там же. Л. 368.
- 62 Цит по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 33—34.
- 63 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. 1. Л. 370.
- 64 Там же. Л. 369—373, 377—384, 395.
- 65 Там же. Л. 380.
- 66 Там же. Л. 372, 373, 385. Фейт написал: «Со времени Октябрьской революции я не участвовал в террористических актах, направленных против представителей власти, равным образом участия в экспроприациях не принимал и на заседаниях Центрального комитета, где разбирались бы эти вопросы, не участвовал. С 18-го года от дел партии устранился» (Там же. Т. 4. Л. 372).
- 67 Там же. Т. 23. Л. 512.
- 68 Там же.
- 69 Там же. Т. 4. Л. 443.
- 70 Там же. Л. 461.
- 71 Там же. Л. 463.
- 72 Там же. Л. 473.

- ⁷³ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 55.
- ⁷⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 447.
- ⁷⁵ Там же. Л. 477.
- ⁷⁶ Там же. Л. 375.
- ⁷⁷ Там же. Л. 374.
- ⁷⁸ Там же. Л. 448.
- ⁷⁹ Там же. Л. 449.
- ⁸⁰ Там же. Л. 450.
- ⁸¹ Там же. Л. 396.
- ⁸² Там же. Л. 430—430 об.
- ⁸³ Там же. Л. 428—443.
- ⁸⁴ «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В. Н. Рихтера / Сост., комм. К. Н. Морозова, А. Ю. Морозовой, Т. А. Семеновой (Рихтер). М.: РОССПЭН, 2005 (в печати).
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Семенов Г. И. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров. С. 17.
- ⁸⁸ МИСИ. Архив ПСР. 146. См. прим. 49 к гл. I.
- ⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 98.
- ⁹⁰ Документ был выявлен и передан автору книги д.и.н. С. А. Красильниковым.
- ⁹¹ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 443.
- ⁹² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 63, 92—92 об.
- ⁹³ Там же. Т. 2. Л. 149.
- ⁹⁴ Там же. Л. 150.
- ⁹⁵ Там же. Л. 92.
- ⁹⁶ Там же. Л. 92 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 94 об.—95.
- ⁹⁸ Там же. Т. 5. Л. 123—125.
- ⁹⁹ Там же. Л. 127, 127 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 97—101.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 129—131 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 131 об.
- ¹⁰³ Там же. Т. 2. Л. 111—112.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 98.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 4. Л. 97.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 7.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 60.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 31.
- ¹¹¹ Там же. Л. 30, 30об.
- ¹¹² Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 192.
- ¹¹³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 135—148.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 135—136.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 135 об.—136.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 136—136 об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 141.

- ¹¹⁸ Там же. Л. 145.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 136.
- ¹²⁰ Там же. Л. 146.
- ¹²¹ Там же. Л. 135—135 об.
- ¹²² Там же. Л. 148.
- ¹²³ Там же. Т. 25. Л. 361.
- ¹²⁴ Там же. Л. 361.
- ¹²⁵ Цит. по: Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. С. 204—205.
- ¹²⁶ См.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95.
- ¹²⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 449—450.
- ¹²⁸ Там же. С. 421—422.
- ¹²⁹ Там же. С. 425.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же. С. 432—433.
- ¹³² Там же. С. 443—444.
- ¹³³ Там же. С. 444.
- ¹³⁴ Там же. С. 446.
- ¹³⁵ Там же. С. 420—421.
- ¹³⁶ Там же. С. 422—423.
- ¹³⁷ Там же. С. 426—427.
- ¹³⁸ Там же. С. 432.
- ¹³⁹ Там же. С. 433—434.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 434—436.
- ¹⁴¹ Процесс эсеров. С. 59—60.
- ¹⁴² Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 170.
- ¹⁴³ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-46679. Л. 10—11.
- ¹⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-46679. Л. 12.